

Искусство как язык — языки искусства

*Государственная академия
художественных наук
и эстетическая теория
1920-х годов*

Том II. Публикации

Новое
литературное
обозрение
Москва
2017

УДК 7.01:061.12
ББК 87.82л1
И86

И86 Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Том II. Публикации / Под ред. Н.С. Плотникова и Н.П. Подземской при участии Ю.Н. Якименко. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 928 с.

ISBN 978-5-4448-0665-4 (т. II)
ISBN 978-5-4448-0666-1

Государственная академия художественных наук (ГАХН) — уникальная научно-культурная институция, возникшая на стыке Серебряного века и «авангарда», — представляет собой одну из ярких, хотя до сих пор недостаточно изученных страниц истории российской гуманитарной науки XX столетия. Академия была основана в 1921 году в Москве как «высшее исследовательское учреждение, имеющее целью всестороннее изучение всех видов искусств и художественной культуры». За неполные десять лет своего существования она сложилась в крупнейший исследовательский центр, программой которого стало новое определение наук об искусстве и синтез эстетической теории с художественным опытом. В создании и развитии Академии принимали участие художники и искусствоведы, литературоведы и философы, деятели музыки и театра. В первом томе настоящего издания представлен систематический анализ основных направлений теории искусства, которую разрабатывали ведущие ученые Философского отделения ГАХН (А.Г. абричевский, Г.Г. Шпет, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев, А.А. Сидоров и многие другие). Особое внимание уделено русско-немецким научным связям, благодаря которым деятельность Академии предстает значительным явлением не только российской, но и европейской гуманитарной науки XX века. Второй том содержит архивные материалы. Они демонстрируют весь спектр теоретических дискуссий в ГАХН, посвященных науке об искусстве, и включают в себя тексты докладов, тезисы и протоколы прений; публикуются впервые.

УДК 7.01:061.12
ББК 87.82л1

© Авторы, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

Теория языка
как парадигма теории искусства

В настоящем разделе собраны архивные материалы, связанные с докладами и прениями в Философском отделении РАХН—ГАХН 1923—1928 гг. Главная тема обсуждений — определение структуры языка и ее применение при анализе художественной формы. Гахновцы в основном обращают внимание на понятия «чистой грамматики», или «грамматики смысла», и семантики (на значение и смысл словесного выражения); многочисленные выступления посвящены точному определению и выяснению места момента «экспрессии» и «экспрессивности» в словесной структуре, то есть признаков субъективного отношения к сообщаемому. Большая часть предлагаемого материала относится к 1924—1925 гг. Эти тексты позволяют утверждать, что исходной точкой всех исследований гахновцев служила философия Г. Шпета. Любой поставленный вопрос обязательно сопровождается ссылками либо на «Эстетические фрагменты», либо на более позднюю «Внутреннюю форму слова»; в рефератах работы других авторов (например, Штенцеля и Эрдмана) непременно сопоставляются с трудами Шпета. С другой стороны, бросается в глаза, что лингвистическое учение де Соссюра занимает особенное место в дискуссиях гахновцев, хотя и подвергается суровой критике.

Раннее выступление М. Петровского («Выражение и изображение в поэзии», 1923) вместе с двумя более поздними докладами Н. Волкова («Проблема множественности значений и так называемого “ядра” значения», 1924, и «Что такое метафора», 1925), прения по которым представлены в разделе, вошли в сборник «Художественная форма» 1927 г. Особенный интерес представляют прения по известному докладу Шпета «О границах научного литературоведения» (1924)¹ на совместном заседании ФО и Литературной секции. Шпет ведет в них острую дискуссию об основах литературоведения, высказываясь против «биологической» и эмпирической концепции Б. Ярхо.²

¹ Г.Г. Шпет. О границах научного литературоведения (Тезисы) // СХТ. Г.А.Х.Н. С. 441—442.

² См.: М. Вендитти. Спор об основах литературоведения: Г. Шпет versus Б. Ярхо (см. с. 241 в томе I наст. издания).

Выступление Г.О. Винокура «О возможности всеобщей грамматики» (1927) представляет собой первоначальное ядро статьи, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» под тем же названием.³ Сравнение статьи с представленными в настоящем издании прениями показывает, что в окончательной версии Винокур учел все замечания своих оппонентов.

Доклад Р. Шор о втором выпуске «Эстетических фрагментов» Шпета отличается своей обстоятельностью. Докладчица подробно пересказывает содержание книги Шпета *sub specie linguisticae*, чтобы доказать ее применимость к современному эмпирическому языкознанию. Проанализировав все новейшие учения о языке, в том числе и лингвистические взгляды де Соссюра и его школы, Шор утверждает, что книга Шпета является новой основой теоретической лингвистики. Среди прочего она отмечает: одно из главных достоинств шпетовского учения о языке состоит в определении «экспрессии» в словесной структуре (различение слова-знака и слова-приметы); однако утверждение, что некоторые экспрессивные признаки могут быть зафиксированы в самом языке (например, междометия), не развито философом до конца. В прениях по докладу Шор, в которых участвовал и сам Шпет, оппоненты возражают против чисто лингвистического подхода к анализу слова. Шпет же объясняет, что целью его «Эстетических фрагментов» было философское основание художественного слова, а не его лингвистический анализ, тем более анализ эмпирический.

А.К. Соловьева, лингвистка, ученица Шпета, представлена здесь пятью докладами (1925—1928) на разные темы: реферат статьи Штенцеля, анализ понятия грамматики и три доклада об «экспрессии». Этот интересный материал показывает большую актуальность и научную глубину исследований гахновцев о языке вообще и о поэтическом языке в частности. Хотя в своем докладе об экспрессии как предмете лингвистики Соловьева и опирается на «Эстетические фрагменты» Шпета, она делает критические замечания по поводу некоторых его положений (близкие к тем, которые предъявила Р. Шор). Докладчица, последовательница де Соссюра, понимает язык как систему, а не как структуру; она упрекает Шпета в том, что он не различает понятий «язык» (*langue*) и «слово» (*parole*). Ее анализ экспрессии основан на работах ученика де Соссюра, Ш. Балли (*Ch. Bally*), об экспрессивной системе, о грамматизировании экспрессивных типов в языке. Анализ образов проводится, таким образом, с лингвистической точки зрения на материале прагматического языка.

Подводя итоги, можно сказать: анализ и дискуссии гахновцев, отличающиеся широким диапазоном тем и взглядов, демонстрируют трудности и проблемы принятия шпетовского учения о семантической структуре слова как чисто философского, конкретного, но не эмпирического подхода к языку.

М. Вендитти

³ См.: ВЯ. 1988. № 4. С. 70—90.

М.М. Кенигсберг

Понятие внутренней формы у Антона Марти и возможности дальнейшей интерпретации¹

¹ Доклад «Понятие внутренней формы у Антона Марти» (так назван в Отчете) был прочитан М.М. Кенигсбергом 29 января 1924 г. на заседании Комиссии по изучению проблемы художественной формы. Обсуждение состоялось 12 февраля 1924 г. (ГАХН. Отчет 1921—1925. С. 21). Согласно Явочному листу, в прениях участвовали: Г.Г. Шпет, Н.И. Жинкин, Б.В. Горнунг, Н.Н. Волков (РГАЛИ. Ф. 941. ГАХН. Оп. 14. Ед. хр. 7. Л. 17). Тезисы не сохранились.

Своей работой об учении Марти М.М. Кенигсберг выполнял задание, сформулированное Шпетом в плане исследования вопроса о форме при Комиссии по изучению художественной формы ФО. В частности, исследователь должен был вместе со Шпетом и А. Буслаевым рассмотреть различные аспекты проблемы «внутренней формы»: поэтическую, конструктивную и фигуральную (именно последние два определения формы принадлежат А. Марти). Публикуемый текст был написан в конце 1923 — начале 1924 г. Он хранится в архиве Центрального Московского архив-музея личных собраний в личном фонде Н.И. Жинкина. Текст является, по всей вероятности, вариантом статьи, подготовленной автором для второго выпуска сборника «Художественная форма» на основе доклада в ГАХН. План издания сборника начали обсуждать в начале 1924 г. «По первоначальному плану сборника, рассчитанного на 20 печ. листов, туда должна была войти большая историческая часть, прослеживающая традиции идеи внутренней формы, начиная с Гумбольдта и далее у Штейнтала, Потемби и Антона Марти; кроме того, предполагалась общая статья о разных понятиях формы и ряд критических экскурсов в область современной русской и иностранной поэтики. Все эти работы были также заслушаны в комиссии, но, когда весь материал предстал в готовом виде и окончательно обнаружилось жесткие издательские условия Академии, сборник должен был лишиться как исторической, так и критической частей. Исторический отдел предполагается издать особо в последующих выпусках» («Художественная форма» С. 5—6). Первый выпуск сборника вышел в 1927 г. Последующие выпуски опубликованы не были.

Машинопись Кенигсберга, очевидно, осталась без авторской правки (нет корректурных помет). Вставки автора касаются в основном иноязычных слов, зачастую с неточностью. Встречаются также вопросительные знаки на полях, когда текст неясен, рукой неизвестного лица. По мнению С.И. Гиндина, заметки могли принадлежать перу Н. Жинкина, в архиве которого хранятся рукописные работы Кенигсберга.

Цитаты и выражения из работ Марти, цитируемые Кенигсбергом без перевода, проверены по изданию 1908 г. (Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Bd. 1. Halle a. S., Verlag von Max Niemeyer; далее: Untersuchungen...); в скобках указаны страницы оригинала.

Кенигсберг зачастую не переводит немецкий текст, а прямо русифицирует его (например, «фунгировать» от нем. *fungieren*, «конвертибельный» от нем. *konvertibel* и т.п.). Такое отношение к языку философии, приводящее к изобилию иностранных слов, заимствований и калек из других языков, характерно для учеников Шпета, охотно употреблявших трудные, далеко не всем известные слова. В ряде случаев указывается источник заимствования. Два слова Кенигсберг переводит правильно с немецкого, но пользуясь терминами, которые вышли из употребления: *Разыскания*, вместо *исследования* от нем. *Untersuchungen*, и *фигурная*, вместо *фигуральная*, от нем. *figürliche*. В этих случаях сохранено решение автора.

Статья для сборника «Художественная форма»²

К идее внутренней формы А. Марти подошел уже с самого начала своих занятий проблемами слов и языка. В первой своей работе «О происхождении языка»³, полемизируя с теми взглядами на происхождение и развитие языка, которые он называл нативистическими,⁴ Марти выдвигает взгляд на развитие языка как на развитие сознательное, намеренное, хотя и беспланное, всегда имеющее в виду понимание языкового факта. Как говорил Марти в одной из позднейших своих работ, народный язык создается не на основе тщательного анализа подлежащей выражению душевной жизни и ее содержаний и не посредством пронизательного рассуждения о наиболее целесообразных способах обозначения для этих содержаний, а в соответствии с подлинно-примитивной душевной жизнью, возвышая ее, взаимно ею возвышаясь, приспособляясь к ней шаг за шагом в ее совершенствовании. В дальнейших своих работах Марти продолжал развивать эту же точку зрения на историю языка, и, хотя праздная проблема происхождения отошла в сторону, проблемы, поставленные в первой работе, получали дальнейшее расширение и углубление. Выдвигая эмпиристическую точку зрения на развитие языка в противоположность господствующей, которую он называл нативистической, Марти использовал введенное и правильно подмеченное, но очень темно сформулированное В. Гумбольдтом⁵ понятие внутренней формы для иллюстрации сознательности и преднамеренности в приспособлении говорящи[ми]⁶ языковых средств к пониманию. Одним из примеров механического и рефлекторного развития языка нативистами выставлялось явление ономотопеи. Как раз на примере этого явления Марти иллюстрирует характер внутренней формы. Непосредственные знаки (*Zeichen*) играли очень незначительную роль. Должна была устанавливаться некоторая ассоциативная связь между звуковым знаком и предметом, обозначаемым звуковым комплексом. Первый опыт должен был показать человеку, что он вынужден объясняться не столько жестами, сколько звукоподражанием для непосредственного обозначения. Таковы были какие-нибудь комплексы «*wau-wau*» — для обозначения лая собаки или — «*gack-gack*» для обозначения крика утки. Но когда человек имитацию лая или крика утки переносил на обозначение самого животного, эта имитация выступала уже не в качестве знака непосредственно обозначаемой вещи, а лишь *вспомогательного представления (Hilfsvorstellung)*.

² Понятие внутренней формы у Антона Марти и возможности дальнейшей интерпретации. Октябрь 1923 — 29 января 1924 г. Маш. ЦММЛС. Ф. 52 (Н.И. Жинкин). Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 18—60 (авторская нумерация: 1—42).

³ «Über den Ursprung der Sprache». Würzburg, 1875. Мне недоступна. Сведениями об этой книге пользуюсь из биографического очерка, составленного учеником и преемником по кафедре Марти Оскаром Краусом. *Anton Marty. Gesammelte Schriften I*, 1. Halle, 1916. S. 14—18. — *Прим. автора*.

В публикуемой здесь статье Кенигсберг пересказывает почти дословно содержание указанных им пяти страниц очерка Крауса.

⁴ Учение о врожденных идеях и языковых способностях.

⁵ Данное утверждение Кенигсберга о «смутной» формулировке Гумбольдта повторяет слова Шпета, написавшего в «Эстетических фрагментах» о «не всегда ясно изложении Гумбольдта, которое можно толковать так и этак». Вып. II. С. 67. Шпет достаточно смягчил такое мнение в более поздней книге «Внутренняя форма слова» (1927), посвященной именно М.М. Кенигсбергу.

⁶ В маш.: «в приспособлении говорящих языковых средств к пониманию».

Назначение этого вспомогательного представления было указывать на собственное значение. Это вспомогательное представление уже не есть значение, но само становится *знаком* — внутренней языковой формой — этимоном. Таким образом, в приведенных примерах ономотопеи внутренняя языковая форма служит связующей нитью (*Band der Assoziation*) между звуком и значением, а сама ономотопея представляет собою *сознательное* синекдохическое перенесение.⁷ Это и противопоставляет Марти учению генетистов и нативистов: не биологическая механистичность лежит в существе развития языка, а деятельность сознания, направленная на облегчение понимания и закрепление связей между звуком и значением. Вздорная и пустая проблема происхождения языка использована Марти для постановки чрезвычайно существенных вопросов о структуре языкового факта и о сущности языка как явления. Уже в этом рудименте учения Марти мы замечаем безусловный его прогресс по сравнению с учениями, называемыми им нативистическими. Устраняется мысль о происхождении языка из крика, устраняется мысль о физиологических факторах его развития и существования. В основу учения о языке заложена мысль о понимании, понятности как основных признаках его сущности и основных факторов его развития. Применительно специально к понятию внутренней формы мы должны уже здесь отметить, что интересующее нас понятие вводится у Марти в круг языковых *средств*, рассматривается как одна из форм языковых, так сказать *sub specie linguae*.⁸ На результатах этой постановки понятия внутренней формы мы остановимся ниже, здесь же отметим, что такое понимание проблемы внутренней формы вызывает прежде всего толкование ее как средства *понимания*. Относительно ограниченное количество непосредственно понятных знаков получает возможность охватить с помощью явления внутренней формы огромное количество содержания, подлежащих выражению. Но уже с самого начала Марти замечает, что впоследствии явление внутренней формы может быть использовано ради красоты жизни наших представлений, для достижения с их помощью эстетического наслаждения. В этой первой работе Марти не ограничивается явлением ономотопеи для иллюстрации понятия внутренней формы. Он приводит и другие примеры: обозначение психических явлений с помощью физических, не потому, чтобы эти последние, как думали нативисты, были ранее восприняты (*früher wahrgenommen*), но потому, что они были более доступны всеобщему наблюдению. Вообще же примеры внутренних форм могут быть самые различные. В первой своей книге, как и в большинстве последующих работ, Марти относит к понятию внутренней формы только то явление, которое впоследствии в наиболее разработанном виде его учения, в его «Разысканиях»,⁹ получило название «фигурной» внутренней формы.¹⁰ В дальнейшем Марти подробно останавливается на понятии внутренней формы в своей работе о бессубъективных предложениях,¹¹ где он, подвергая резкой критике учение на ту же тему Зигварта и Вундта, толкует явление так называемых бессубъектных предложений (например, в немецком

⁷ На характер *синекдохичности* такого перенесения звукоподражательного комплекса на обозначения животного Марти указывает впоследствии. См.: *Untersuchungen...* S. 139. — *Прим. автора.*

⁸ С точки зрения языка (*лат.*).

⁹ *Untersuchungen...*

¹⁰ У Марти: *die figürliche innere Sprachform*.

¹¹ *A. Marty. Über subjektlose Sätze und das Verhältnis der Grammatik zur Logik und Psychologie // Marty A. Gesammelte Schriften II. S. 3—101.*

языке), где подлежащее грамматически выражено как явление внутренней формы, подводимое нами под его позднейшую категорию фигурной внутренней формы; подробно останавливается Марти на понятии внутренней формы и в своей статье «Über das Verhältnis von Grammatik und Logik». В обеих этих работах Марти развивает и углубляет учение, данное уже в его первой работе.¹² Наиболее же полный и значительно расширенный вид приобретает это учение в его «Разысканиях». К ним непосредственно мы и обратимся, пользуясь лишь в отдельных случаях более интересными и яркими примерами из ранних работ и в некоторых отдельных случаях его более поздней (1911 г.) работой о падежах.¹³

Своему анализу понятия внутренней формы Марти предпосылал анализ понятия формы вообще и специально в области языка. Я не буду повторять всего обзора, который дает Марти по поводу многозначности терминов формы и его коррелята материя (*resp.* содержание). Отмечу только несколько существенных пунктов. Марти указывает, что термин «форма» вместе с его коррелятом, как очень многие другие выражения языка, — образное выражение (S. 101),¹⁴ но вместе с тем, что в развитии применения этого термина встречались постоянно два основных образа как спутники значения и что на путях истории этого термина встречается в общем два направления. В одном случае форма противопоставляется материи (*Stoff*), и форма выступает как более существенная (*wesenhafte*), определяющая сторона в явлении (*die Bestimmung gebenden Teil*, S. 102);¹⁵ в другом — форма коррелятивно противопоставляется содержанию (*Inhalt*) или значимости, содержательности (*Gehalt*), причем в качестве уже более существенного выступает уже последнее (S. 102).¹⁶ Языковые явления как раз и служат примером формы в этом последнем смысле, — коррелятивно с ними соотносится выраженное значение. Здесь интересно отметить еще следующее соображение Марти о соотношении этих понятий в области поэзии, причем оно может быть, как указывает он, перенесено и на другие области искусства. Если в художественной области сопоставляются друг с другом форма и содержательность (*Gehalt*), причем *Gehalt* выступает как нечто более ценное (*Wertvollere*), то оно может быть противопоставлено не только форме, но и материи. Под *Gehalt* в этом случае подразумевается совокупность идей, воплощенных в художественном произведении, его душа или дух, принимающий в художественной форме доступную восприятию плоть, чувственный покров (S. 103).¹⁷ В сфере пластики отчетливее всего выступает эта парадоксия¹⁸ противопоставления формы, с одной стороны, материи, с другой — содержательности, покоящейся на совершенно различных точках зрения. Для *Gehalt* безразлично, сделана ли статуя из мрамора или глины. Поскольку же изменение «материала» (*Stoff*) может иметь эстетическое значение, может быть решено лишь решением вопроса, что принадлежит к области формы как коррелята содержательности, то есть формы как приводящей *Gehalt* к выражению и воздействию (S. 103). Этот последний вопрос остается открытым. Вместе с тем он не может не играть очень

¹² Über den Ursprung der Sprache.

¹³ Die «logische», «lokalistische» und andere Kasustheorien. Halle a.S., 1910.

¹⁴ Untersuchungen...

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ От нем. Paradoxie — парадокс.

существенной роли в вопросе об элементе художественной формы. Замечание Марти об иррелевантности¹⁹ материала для *Gehalt* художественного произведения как будто бы решает отрицательно вопрос о художественной роли «материала». Вместе с тем Марти сохраняет свой вопрос. Не должен ли этот вопрос быть преобразован таким образом, что «материал» становится релевантным для значимости художественного произведения лишь в том случае, когда он представляет собою шаткую систему форм, когда он может быть разрешен в такую систему, когда сам этот «материал» является выражением некоторого художественного (*resp.* культурного) сознания. Таким представляется мрамор, как неизбежный спутник пластики классицизма. Это отступление в сторону представлялось необходимым постольку, поскольку в области лингвистики и связываемой с нею поэтики постоянно теперь подымается вопрос о чувственно-воспринимаемой материи как предмете изучения и поскольку, по крайней мере в сфере лингвистики, вопрос о сущности фонических элементов начинает наконец вновь получать отрицательное решение. Данная нами формулировка вопроса о роли *Stoff* в искусстве есть не более как попытка расшифровать вопрос Марти, — ясно, конечно, что при такой расшифровке *Stoff* выступает уже как форма. Остается же еще вопрос о чувственных качествах как таких, который с вопросом о внутренней форме не соприкасается, поэтому мы его и обходим, хотя Марти к нему обращается на протяжении своей книги, в общем отказываясь признавать *Gestaltqualitäten* особой категорией формы (ср. S. 109—112).²⁰ Марти подчеркивает исключительное значение аристотелевского понятия формы, в котором форма выступает как образ, вид (*Gestalt*), указывая, что у Аристотеля это толкование было образным (S. 103).²¹ Отметив это огромное значение Аристотелева толкования понятия форма и разобрав различные сферы применения его, Марти подводит итоги результатам, достигнутым двумя основными направлениями развития понятия формы.

I. С одной стороны, понятие форма как образ является в корреляции с понятием так или иначе оформленного как нечто *определяющее*, нечто так или иначе *детерминирующее* нечто неопределенным или, по крайней мере, могущее быть *многообразно* определенным (*mannigfach Bestimmbares*). В этом случае формой называется нечто *отличное* (*das Besondere*). Так можно говорить о различных формах сознания, заключения, суждения, [тутбытия]²² и т.д., in abstracto прежде всего о том, что создает «формирование» (*Formung*) и вместе с тем отличие (*Besonderung*)²³ от прочих представлений того же рода,²⁴ наконец, о самом «оформленном» (*geformte*), *отличном* (*das Besondere*) с помощью данного «формирования».

¹⁹ От нем. *Irrelevanz* — незначительность.

²⁰ Untersuchungen...

²¹ Ibid.

²² В маш.: «тубытия». Возможно, перевод «Dasein».

²³ Кенигсберг реферирует здесь текст Марти: «Die Gestalt erscheint gegenüber dem so oder so Geformten (dem Marmor oder Wachs) als das Bestimmende, als das ein Unbestimmtes oder wenigstens mannigfach Bestimmbares so oder so Determinierende. Dies führte dazu, das Besondere die Form zu nennen. So spricht man von verschiedenen Bewußtseinsformen, Schlußformen, Urteilsformen, Daseinsformen usw. zunächst im abstrakten Sinne, für das, was die "Formung" und damit die Besonderung gibt, dann für das dadurch "geformte" Besondere selbst» (Untersuchungen... S. 114).

²⁴ В маш.: «от прочих представителей».

II. К противоположному результату приводит развитие другого образа, с помощью которого выступает понятие формы — образа сосуда. В этом направлении форма выступает как нечто *пустое*, наполняющее же содержание — как *определяющее*. В этом смысле термин «форма» применяется к бессодержательному *всеобщему*, которое общо многому, в противоположность более богатому и индивидуальному. Таковы всякого вида украшения (между прочим, и грамматические), представляющие собой всеобщие диспозиции, которые должны затем быть применены к овладению индивидуальными представителями (*Besondere, Fachliche*).²⁵ Такова «формальная» логика, в этом смысле «формально» и математическое воспитание. Марти отмечает здесь, что, противопоставляя *materiam rudem*²⁶ тонкости образа или формы, приходят к применению к абстрактному и всеобщему наименованию формального, причем уже здесь оно получает характер более ценного/значимого²⁷ (*Wertvollere*), в то время как в основании оно, как относительно пустое, имело привкус менее ценного/значимого (*Wertlosere*) (S. 114—115).²⁸ Остается указать еще на то развитие термина форма, при котором исчезает его первоначально образный характер. Образный характер научного термина вообще с течением времени неизбежно стирается, тем более в том случае, если имели место образы прямо противоположные. Термин *форма* становится идентичным термину *класс*, независимо от того, связывалось ли с понятием форма нечто определяющее, образующее (*Gestaltendes*) и, далее, в переносном смысле, нечто так или иначе определенное/оформленное (*so oder so Bestimmte*), нечто *отличное* (*Besondere*) или, наоборот, нечто *пустое*, обрамление (*Rahmen*), в которое вливалось отличное и конкретное. В этом смысле термин форма применяется к категории рода и вида, причем он выступает и без коррелята вроде материи или содержания, а применяется постоянно к тому, что уже в *другом* смысле называлось формами, например, отношением, синтезом и т.п. Обычно говорят не о «формах форм», а о формах отношений, синтезов и т.п., имея в виду в подходящее время назвать эти последние также формами. Так говорят о формах сознания или формах (= классах) психического отношения, называя само психическое отношение *формой*, особенно в противоположение объекту, на который оно направляется.²⁹ Особенно в наших целях важно

²⁵ Untersuchungen... S. 114: «Zur entgegengesetzten Verwendung aber konnte das Bild vom Gefaße führen. Dieses erscheint als ein leeres; der erfüllende Inhalt als das Bestimmende. Daran anschließend sehen wir denn "Form" auch für das inhaltsleere Allgemeine und Abstrakte, das vielen Gemeinsame, im Gegensatz zu dem reicheren Konkreten und Individuellen gebraucht. Diesen Sinn muß es z. B. haben, wenn von "formaler" Bildung geredet wird, falls man darunter nicht geradezu die bloße Übung in mannigfaltigem sprachlichem Ausdruck oder gar nur in den "Umgangsformen", sondern die Bildung allgemeiner Dispositionen des Verstandes, des Gedächtnisses, der Beobachtungsgabe, die Übung der Kräfte im allgemeinen versteht, der dann eine Verwendung dieses Gewinnes für das Besondere, Fachliche, folgen soll».

²⁶ Сырая материя (*лат.*). У Марти: *materia rudis*, «Рohstoff». Untersuchungen... S. 115.

²⁷ Кенигсберг иногда пишет два слова, одно над другим, когда колеблется в переводе. В этих случаях в тексте представлены оба варианта.

²⁸ Untersuchungen...

²⁹ Ibid. S. 116: «Und so sehen wir denn zahlreiche Fälle, wo beim Gebrauch dieses Wortes die ursprünglichen Vorstellungen vollständig verflüchtigt sind und "Form" einfach soviel heißt wie „Klasse“, unbekümmert, ob damit ursprünglich ein Bestimmendes, Gestaltendes gemeint war und dann im übertragenen Sinne das so oder so Bestimmte, also das Besondere "Form" hieß, oder ob sie als ein Leeres, als ein Rahmen erschien, in den das Besondere und Konkrete eingefüllt wird. Indem man so schließlich ohne an irgend ein solches Bild und einen Stoff oder Inhalt als Korrelat der Form

отметить, что Марти подчеркивает, что в этом же смысле говорят и о формах, изредка классах слов и понятий, признавая в другой связи формами сами слова и понятия (S. 115—116).³⁰ За приводимыми далее развитиями понятия форма мы можем следить и обратиться к понятию форма в области языка. Из приведенного выше хода рассуждений мы можем уловить следующие существенные моменты: I. Во всех моментах развития термина форма он выступал коррелятивно, чему не помешало еще знамение первоначально образного характера этого термина; II. Для существа понятия форма безразличен характер образа, репрезентирующего нам это понятие: формы как вид и формы как пустой сосуд — в конце концов дают формы как класс, что является наиболее общим выражением интересующего нас понятия; III. Из изложения Марти можно уловить, что он относится совершенно безразлично к вопросу о том, представляет ли собою форма нечто *Wertvollere* или *Wertlosere*. Таковы общие черты учения Марти о форме, из которых мы между прочим можем уловить, что, по мысли Марти, любой предмет, поставленный в известное соотношение, может рассматриваться как форма, что приобретает особенно важное значение при предстоящей нам спецификации понятия форма. С этим улавливаемым пониманием Марти формы можно сопоставить мысли Шпета о соотносительности терминов формы и содержания и законе метода — разрешении данного содержания [в] систему форм (Эстетические фрагменты. II, с. 100 след.).³¹

Обращаясь теперь к рассмотрению понятия формы у Марти специально в области языка, остановимся предварительно на даваемых им определениях самого языка как распределяющих применение понятия форма в его области. На первой же странице своих «Разысканий» Марти дает основное определение. Под языком разумеется *намеренное обнаружение (absichtliche Kundgabe)* внутренней жизни посредством каких угодно знаков, особенно с помощью звуков, причем не таких, которые понятны непосредственно, а таких, сигнификативная сила которых обязана привычке (*Gewohnheit*) и градации. Марти указывает также, что как языкознание, так и философия языка не могут оставлять без внимания произвольные знаки обнаружения внутренней жизни, но основным их предметом все же остается на-

zu denken, diesen Terminus im Sinne von Gattung und Art (im weitesten Sinne dieses Wortes) gebraucht, kommt er unbedenklich auch für die Klassen von solchem zur Verwendung, was man schon in anderm Sinne "Formen" genannt hat, z. B. für Verhältnisse, Synthesen und dgl. "Formen von Formen" würde man nicht gern sagen, wohl aber Formen von Verhältnissen, Synthesen und dgl, indem man sich wieder für ein andermal vorbehält, diese selbst Formen zu nennen. Ebenso sagt man wohl "Wortformen" und "Begriffsformen" statt Wortklassen und Begriffsklassen, um dann ein andermal auch wieder die Worte und die Begriffe selbst Formen zu nennen, und spricht von Bewußtseinsformen oder Formen der psychischen Beziehung (= Klassen derselben), während man — wie wir noch hören werden — auch die psychische Beziehung überhaupt gegenüber dem Objekt, worauf sie gerichtet ist (= Materie), eine Form nennt».

³⁰ Ibid.

³¹ Г.Г. Шнем. Эстетические фрагменты. Вып. II. С. 100—101: «Соотносительность терминов: форма и содержание означает не только то, что один из терминов невысказан без другого, и не только равным образом то, что форма на низшей ступени есть содержание для ступени высшей, а еще и то, что чем больше мы забираем в форму, тем меньше содержания, и наоборот. В идее можно даже сказать: *форма и содержание — одно*. Это значит, что чем больше мы будем углубляться в анализ заданного, тем больше мы будем убеждаться, что оно *ad infinitum* (бесконечно) идущее скопление, переплетение, ткань форм. И таков, собственно, даже закон метода: всякая задача решается через разрешение данного содержания в систему форм».

меренное обнаружение с помощью конвенциональных звуков (S. 3—4).³² Язык есть орган, который, как всякое орудие, должен быть понят из той цели или задачи, которую он должен выполнять (S. 53).³³ И так как такой целью является выражение деятельности сознания у говорящего, то на язык устанавливается семасиологическая точка зрения, рассматривающая языковые средства как такие (*Sprachmittel als solcher*, S. 51).³⁴ Отсюда становится понятным общее определение формы в языке, находимое нами у Марти. Как форму в языке можно обозначить каждое средство выражения, по отношению к которому как материя или содержание выступает подлежащее сообщению значение. Такими формами являются слова, сложения слов, словосочетания. Развивая дальше применение понятия форма в области языка, можно говорить о формах языковых форм, то есть о различных их образах (*Gestalt*), что в конце концов *in concreto* должно обозначать всякий обладающий значением или употребительный в каком-нибудь языке звук или комплекс звуков, который может поэтом называться словесною формою (*Wortform*, S. 182).³⁵

Но в области того, что Марти определяет как языковые формы, целесообразно различать внешнюю и внутреннюю форму. Внешней формой Марти называет те черты средства выражения некоторого известного подлежащего сообщению содержания, которые доступны внешнему чувственному восприятию (*äusserlich oder sinnlich «wahrnehmbar»*).³⁶ Внутренними же формами являются те, которые доступны только внутреннему опыту (*nur innerlich erfahren werden können*).³⁷ Марти замечает тут же, что он употребляет выражение «внешнее восприятие» в популярном смысле слова, указывая вместе с тем, что единственно прямым опытом он признает внутренний или психологический. Кроме внешней и внутренней формы Марти считает необходимым указать еще на те различия в конструкции языковых средств в том или ином направлении, которые опознаются только из обращения к их происхождению и которые он называет генетическими особенностями. К области внешней формы относится: 1) вопрос о том, передается ли нечто с помощью жестов; 2) к различиям во внешней форме относятся также и те случаи, когда одно и то же значение выражается а) то таким, то иным звуком или комплексом звуков или б) когда оно выражается то одной особой звуковой формой, то некоторым их множеством и особым расположением этих звуковых форм друг по отношению к другу. Все эти различия суть различия чувственные (*sinnlich*) и подлежащие внешнему «восприятию» (*äusserlich «Wahrnehmbare»*). Различения последнего рода, примером которого может служить выражение так называемого генитива — в латинском через *hominis*, в английском через *of the man*, можно пожелать³⁸ считать различиями в языковой форме, в то время как различение между латинским *homo* и английским *man* дает различие³⁹ только в языковой форме. Однако Марти не находит возможным согласиться с таким ограничением. И в том и другом случае присутствуют различия⁴⁰ в звуковой форме. Но в обоих

³² Untersuchungen...

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Untersuchungen... S. 121.

³⁷ Ibid. S. 121.

³⁸ Рукописная вставка.

³⁹ В маш.: «различий».

⁴⁰ В маш.: «различий».

случаях звуки функционируют⁴¹ как языковые знаки, и потому различие звуковой формы есть в то же время различие языковой формы. Сопоставляя, с одной стороны, *homo* и *man*, с другой — *hominis* и *of the man*, мы можем заметить между этими двумя парами разницу в том, что во 2-м случае находится более глубокое различие или, если угодно, целый ряд различий. *Hominis* и *of the man* различаются тем, что в одном случае дано только одно слово, в то время как в другом — совокупность слов, то есть там и здесь совершенно различные методы выражения. В отличие от этого *homo* и *Mensch* совпадают⁴² со стороны всеобщего метода выражения и различаются только в специальном, то есть звуковом отношении. Тем не менее Марти полагает, что наличие более глубокого различия, как в случае *hominis* и *of the man*, не мешает видеть также и различие во внешней форме. Таким образом, из рассмотрения этого⁴³ § 10 I части I-го Отдела (S. 21—23)⁴⁴ мы видим, что Марти на долю внешней (чувственной воспринимаемой) формы относит звуковую архитектуру языкового средства. Поскольку этот звук или комплекс звуков является языковым знаком, Марти склонен считать внешнюю звуковую форму тоже языковой формой и различия в звуковой форме считать различиями в языковой форме. Таким образом, внешняя языковая форма есть понятие тождественное понятию звукового состава языкового средства. Из области внешней формы, таким образом, исключается то, что характеризует метод выражения в широком смысле слова. Различия в методе выражения суть различия более глубокие, чем различия внешней формы. Дальнейшая полемика Марти несколько развивает учение о внешней форме, но вместе с тем порождает и некоторые недоумения, на которых остановимся ниже. Б. Дельбрюк относит к области внутренней формы особенности строя и структуры языка, то есть есть ли это язык флектирующий или нет, преобладает ли в нем суффиксное или префиксное образование и т.п.⁴⁵ В своей работе о якутском языке О. Бётлингк⁴⁶ дает описание строя этого языка, решительно отличающегося от строя индоевропейских языков. Например, в нем отсутствует грамматический род, наличествуют особая утвердительная и отрицательная форма для *verbum finitum*⁴⁷ и для глагольных имен, падежи компаративный и комитативный⁴⁸ и т.д. Эти особенности строя языка, который сам О. Бётлингк называл «логическими признаками», Б. Дельбрюк называл «внутренней формой языка». Марти указывает, что в пользу такой классификации и терминологии можно аргументировать тем, что здесь речь идет о таких особенностях в методе выражения, которые лежат за пределами чувственно воспринимаемого. Это особенно отчетливо бросается в глаза при образовании префиксов и суффиксов. Если взять фиктивный звуковой комплекс *Abar*, то можно представить себе, что в одном языке *ab* будет префиксом, *ar* — корнем, в другом *ar* — суффиксом, в третьем, наконец, слово это может не

⁴¹ От нем. *fungieren* — служить, использоваться.

⁴² В маш.: «т[о] е[сть] там и здесь совершенно различные методы выражения в отличие от этого *homo* и *Mensch* совпадают...»

⁴³ В маш.: «это».

⁴⁴ Untersuchungen...

⁴⁵ В. Delbrück. Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen. Teil 1. S. 40—43.

⁴⁶ О. von Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. 3 Bde. St. Petersburg, 1849—1851.

⁴⁷ Финитная форма глагола (лат.).

⁴⁸ В маш.: «комитативный и комиатативный». Имеются в виду «компаратив» и «комитатив» (ср.: Untersuchungen... S. 123). Компаратив — падеж сравнения в марийском языке, комитатив — падеж, выражающий совместное действие.

иметь никакой внутренней структуры. Кто сознает эти различия, не сознает что-либо⁴⁹ внешнее, то, что он получает путем чувственного впечатления, а понимает нечто «внутреннее», и, таким образом, такие различия в структуре слова относятся к внутренней языковой форме, и, добавим от себя, характеристика языкового средства, языка с этой стороны суть характеристика его со стороны строения его внутренней формы (§ 11, S. 123).⁵⁰ Дальнейшая полемика, думается мне, частью основана на недоразумении. Марти соглашается с тем, что чувственное впечатление (*sinnlicher Eindruck*) ничего не говорит нам о том, что известная составная часть слова есть префикс или суффикс. Такие особенности могут быть предметом только либо очевидного заключения, либо более или менее оправданного предположения, либо необоснованной фикции (как это мы неоднократно имеем в случаях так называемой народной этимологии — добавляю от себя). Но он полагает, что мы имеем здесь дело не с дескриптивным анализом интересующего нас слова, а с генетическим его рассмотрением и что открываемые нами элементы относятся к указанной выше третьей категории элементов языкового средства, выходящей за пределы дескриптивного рассмотрения. Но приводимые далее примеры явно не совпадают с тем, по крайней мере, что мы видим в цитируемых Б. Дельбрюком наблюдениях О. Бётлинга над якутским языком. То, что приставка «*kraft*» возникла из субстантива «*Kraft*» путем изменения функции,⁵¹ то, что окончание *praeteriti* «*te*»⁵² связано с глаголом «*tun*», есть, разумеется, генетические признаки данных элементов. В этом, несомненно, прав Марти. Но что они являются значимыми формами, также несомненно. А именно это, конечно, и имеет прежде всего в виду Дельбрюк, как не отрицает этого и сам Марти в дальнейшем (S. 154).⁵³

Этот упрек в смешении дескриптивного и генетического рассмотрения, который делает Дельбрюку Марти, представляется основанным на недоразумении. Но Марти продолжает и дальше. В тех явлениях, о которых говорит Дельбрюк, имеет место и различие внешней формы. В таких идентичных выражениях, как *τοῦ θεοῦ* и «*den beiden Göttern*» или «*hominis*» и «*of the man*», есть различие в чувственно воспринимаемом и, таким образом, наличествуют некоторые внешне воспринимаемые черты, которые совпадают также и с соответствиями в форме, например, *hominis, originis* или *of the man, of the wife* (§ 13, S. 125—131).⁵⁴ Но если выше было признано, что внешняя форма есть звуковой состав языкового средства, то указание Марти может отличаться плеонастическими недостатками. С другой стороны, аналогичная функция может иметь место и при различных звуковых формах *rosae, fluvii, fructus, rei, originis*. Одна и та же грамматическая категория устанавливается в данном случае не наличием одинаковой внешней формы. То обстоятельство, что различные языки имеют разные внешние формы языковых средств при одинаковых их функциях, разумеется, не вызывает никакого *особого* сомнения, и полемика Марти с Дельбрюком только затемняет его учение о внешней форме. Совершенно аналогичной полемике с Дельбрюком является полемика с Э. Целлером⁵⁵ по

⁴⁹ В маш.: «сознает не что-либо».

⁵⁰ Untersuchungen...

⁵¹ В маш.: «фикции».

⁵² Например, в слове «*liebte*» (любил).

⁵³ Untersuchungen...

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ E. Zeller. Ueber die Bedeutung der Sprache und des Sprachunterrichts für das geistige Leben // Zeller E. Vorträge und Abhandlungen. Bd. III. Leipzig, 1884. S. 108—155.

поводу несоответствия слов (имен) одного языка словам другого. Для простых имен одного языка отсутствуют изодинамные⁵⁶ выражения в другом. Эти различия Целлер называет различиями во внутренней форме. Не будем подробно останавливаться на этой полемике, так как она больше связана с дальнейшим, то есть с учением о самой внутренней форме. Во всяком случае, важно отметить, что Марти находит здесь существенным также и различие во внешней форме, которое часто обуславливает различные сферы притяжения таких не покрывающих друг друга синонимов (S. 125—131).⁵⁷ Но Марти еще раз подчеркивает, что различие во внешней форме может сопровождаться и различиями в той сфере явлений, которые Марти относит к области формы внутренней. Марти заканчивает эту вторую главу, посвященную вопросам внешней формы, небольшим параграфом, заключающим полемику с Вундтовым определением понятия внешней формы. Нет надобности освещать эту полемику ввиду совершеннейшей праздности для нас вундтовского взгляда. Интересно отметить только некоторые попутно высказанные соображения Марти. *К внешней форме причисляется все, что противостоит известному подлежащему выражению содержанию как чувственно воспринимаемая форма его передачи.* Не всегда, когда речь идет о звуковых различиях, можно находить различие внешней языковой формы. Для этого, то есть для того, чтобы звуки были элементами языковой формы, нужно, чтобы эти звуки находились в соотношении с каким-либо значением, которое бы в них являлось языково (*sprachlich*) оформленным. Только в этом случае звуки являются внешней языковой формой. В этой связи заслуживает внимания одно замечание Марти: говоря о форме и материи в области языка, можно некоторые относительно простые звуки, из которых складываются слова языка, называть звуковой материей, из которой формируется словесное произведение/образование (*Wortgebilde*). Но Марти отвергает такое различие, находя, что оно может быть применено и к бессмысленным звуковым комплексам (S. 130 Fn).⁵⁸ Я привел это замечание Марти, чтобы подчеркнуть, что для него звук существует как элемент языковой области, лишь поскольку он — *внешняя языковая форма*, средство выражения, коррелятивное некоторому содержанию. Различия во внешней форме Марти находит не только там, где рука об руку с внешней формой находится различие в выраженном, как, например, *Mensch* и *des Menschen*, но и там, где, несмотря на различие звукового состава, выражено одно и то же содержание, например *des Menschen* и *hominis*. И при сравнении и характеристике «внешней языковой формы» различных языков, несомненно, особенные различия этих параллельных или синонимических оборотов (*Wendungen*) есть наиболее характеристичное и вместе с тем наиболее ценное и заслуживающее внимания. В этом и заключается различие языков, в то время как различие выражения при различии значения имеет место внутри одного языка. Но и в пределах того, что называется одним языком, встречается множество исключений из этого правила. Создается впечатление, что язык возникает из различных целей, создается разнообразными творцами, из которых ни один не приходит к последовательной и всесторонней деятельности и каждый в борьбе с другим теряет нить своего состояния. Одни из средств выражения возникают ради

⁵⁶ Ср.: нем. *isodynamisch* — изодинамический, равносильный.

⁵⁷ Untersuchungen...

⁵⁸ Ibid.

голою понимания, другие, напротив, в угоду эстетическому наслаждению — и вновь переплетаются друг с другом во имя новых потребностей и интересов. Так создается значительная часть из состава наших народных языков, с помощью выбора и беспланированной комбинации. Будь язык планомерен и предназначайся он исключительно для целей простого сообщения, синонимия была бы удалена из него как бесполезная и обременительная ноша (S. 132—133).⁵⁹ Этими замечаниями Марти подготавливает переход к центральному для нас вопросу — учению о внутренней форме в языке. Как уже было указано, к понятию внутренней формы относятся все те моменты в структуре языкового средства в его актуальных свойствах и методических особенностях, которые воспринимаются внутренним опытом. В явлениях внутренней формы в языке Марти различает два класса: I) внутреннюю форму фигурную и II) внутреннюю форму конструктивную. К области фигурной внутренней формы относятся явления, на которых он останавливался уже и в более ранних своих работах. Фигурная внутренняя форма заключается в известных представлениях, которые вызываются нашими языковыми выражениями, но сами не образуют значения этих выражений, а служат только к тому, чтобы выявить эти значения по законам ассоциации. Любая метафора или метонимия дает лучшие тому примеры.⁶⁰ В сознании кроме собственного, имеемого в виду представления (*ausser den eigentlich gemeinten*) является и некоторое другое, сопровождающее представление (*begleitende*).⁶¹ Это сопутствующее представление Марти называет в ранних работах, как было указано и выше, этимон (*Subj. Sätze*, S. 67), отказываясь от этого термина впоследствии в «Разысканиях», по-видимому, из опасения смешения явления актуальной фигурной внутренней формы с генетическими признаками языкового средства, специального в области имен о том, что составляет предмет этимологии. I. К области фигурной внутренней формы относятся очень многие явления. Таковы, например, способы изображения душевных явлений и состояний с помощью имен и выражений, имеющих своим первоначальным содержанием физические феномены. Примеры их бесчисленны в разных языках: *conicio*, *συμβάλλω*, *begreifen*, погряз в предрассудках, *er ist in Vorurteilen befangen*, *festen Willens*;⁶² он быстро схватывает содержание и т.д. и т.п. Представления физических феноменов, заключающихся в этих выражениях, не образуют их смысла. Они служат только или целям эстетического удовольствия, или (что было основным, исконным и встречается особенно часто) целям опосредствования понимания (*den Zweck das Verständnis zu vermitteln*) — [они] должны служить нитью ассоциации между звуком и значением (я обращаю внимание на это между) через его посредство имеем[ым]⁶³ в виду (*durch ihn wirklich Gemeinten*). Подобным образом — как имя для психического — может иметь внутренняя форма представление физического, может оно обозначать происшествие (*Vorgang*), имея в качестве внутренней формы представление вещи или субстанции. К области фигурной внутренней формы относятся также те случаи, где различные речения (*Redeweisen*), происходящие из

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ueber das Verhältnis der Grammatik und Logik // Gesammelte Schriften II, 2, S. 68. — Прим. автора.

⁶¹ Ueber subjektlose Sätze // Gesammelte Schriften II, 1, S. 64—66. — Прим. автора.

⁶² Untersuchungen. S. 134: «er ist in gehobener Stimmung, in Vorurteilen befangen, schwankend im Urteil, festen Willens»: он в хорошем настроении, он погряз в предрассудках, он колеблется в своих суждениях, у него твердая воля (нем.).

⁶³ В маш.: «имеемого».

известных воззрений в области религии или нравственности, продолжают сохраняться и тогда, когда породившие воззрения и обычаи уже исчезли. То же имеет место и в области знания. В качестве примера может служить словоупотребление, связанное с «поляризацией» света, применяемое и тогда, когда из науки исчезло представление о световых тельцах.⁶⁴ Кто думает по Копернику, а выражается в терминах птоломеевской космологии, пользуется этой терминологией как фигурной внутренней формой. Обозначение в юридической теории и практике государства или церкви как лица дает примеры тому же языковому явлению. Своеобразное применение фигурная внутренняя форма находит себе в области высказываний (той категории автосемантиков, которая служит выражением второго порядка активного сознания, то есть активного суждения). При этом получается, что то, что было вычеканено (*geprägt*) собственно как имя или по крайней мере как внутренняя форма, должно вызывать представление какой-нибудь вещи или могущего быть названным предмета, становится просто систематическим знаком. Указанное выше смешение коперниковского образа мысли с докоперниковским способом выражения и дает этому пример. Такие мнимые имена, являясь кажущейся материей высказывания, о которой утверждается, что она существует или не существует, делает кажущимся и самое утверждение или отрицание существования. Относительно этих мнимых имен ясно лишь то, что в них как внутренняя языковая форма входит представление какого-либо могущего быть названным предмета. В каждом отдельном случае должно подлежать особому разысканию, какая функция собственно имеет такое «есть» или «не есть», которое связано в высказывании с такими кажущимися, мнимыми именами. Оставаясь в области имен как таких, можно указать еще на некоторые случаи нисхождения имен на функцию синсемантических знаков. Если мы говорим о желательном А или невозможном В, то в моменте опознания (*Anerkennen*) этого желательного, resp. невозможного как такового, не опознается А или В. А и В здесь фигурируют не как имена, как это имеет место в случаях, если мы говорим о большом А или маленьком в; и если представление А или В пробуждено и здесь, то не как значение, а лишь как фигурная внутренняя форма для некоторого понятия, в коем представление А или В входят совсем не в том виде составной части, как это имеет место, когда говорят о большом или маленьком А. Подобная деградация до степени синсемантиков постигает не только имена, но и целые предложения, и тогда их первоначальное значение действительно лишь как внутренняя форма. В области самих синсемантиков совершаются многообразные переходы значений, причем то, что было первоначально значением, оживает как фигурная внутренняя форма. Примерами могут служить частицы: *ob, allerdings, wohl, vero, mais (<magis), for*, право; некоторые так называемые вспомогательные глаголы: *würde, sollie, dürfte* и др.; переход вопросительных местоимений в относительные; *dass*, что — не имеющие более деиктического значения; *wird sein* — не имеющие более значения становления; *shall be* — не имеющее значения долженствования; так называемый перфект, не имеющий более перфективного значения, и т.д. и т.п. В этих случаях старый смысл, если он еще проникает новое применение языкового средства, становится только фигурной внутренней формой, как правило, служит посредником понимания для нового значения. Подобные же отношения наблюдаются и в соотношениях футурума

⁶⁴ Имеется в виду корпускулярная теория света.

и потенциалиса, переход[е] наклонений, времен и глагольных видов друг в друга (прошедшего и перфектов, настоящего и дуратива), таково же и соотношение рефлексива и пассива. Таким же, в конце концов, должно быть явление локальной фигурной внутренней формы, описанное Марти в его более поздней работе о падежах. Пространственные представления, связанные первоначально с некоторыми падежными формами, при приобретении падежом функции обозначения чисто логических, а не локальных отношений будучи все еще в сознании связаны с данной грамматической формой, становятся фигурными внутренними формами. Пространственные отношения лежат в основе таких греческих синтагм, как $\lambda\alpha\upsilon\beta\acute{\alpha}\nu\ \tau\eta\varsigma\ \chi\epsilon\iota\rho\acute{o}\varsigma,\ \sigma\tau\omicron\chi\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \sigma\kappa\omicron\lambda\omicron\upsilon$ ⁶⁵ (*ich strebe nach dem Ziele*). Во втором примере самое понятие цели может иметь то локальный, то переносный смысл. И во втором случае пространственное представление, связанное с греческим гентивом, есть лишь фигурная внутренняя форма.⁶⁶ К понятию внутренней формы в области падежа относятся и некоторые другие явления *casus obliqui*, на которых останавливаться не буду (S. 83 ff.).⁶⁷

Изображение психического явления с помощью физического представления служит целям опосредствования в сообщении, таким образом, и локальные представления как фигурная внутренняя форма имеют только такую опосредствующую, не эстетическую фикцию. Более или менее живая фигурная внутренняя форма находится и в предложениях «*es regnet*»,⁶⁸ «*es fehlt an Geld*»,⁶⁹ «*mich denkt es eines alten Traums*» (С.Ф. Мейер).⁷⁰ [Так] как Марти подробно разбирал эти явления и раньше, он указывает, что в равной мере правы и те, кто думали, что здесь подразумевается какой-то субъект, как правы и те, которые это отрицали. Субъект подразумевался или мог подразумеваться как фигурная внутренняя форма (*Untersuchungen*. S. 138—139). В своей более ранней работе Марти детально разбирал суждения, лежащие в основе таких высказываний, и пришел к мысли о его одночленности (экзистенциальное суждение). Логическая одночленность такого суждения и заставила Марти в грамматической двучленности видеть наличие внутренней формы. Первоначальное неразличение двух категорий внутренней формы не дало возможности Марти отнести это явление к той или иной категории. В «Разысканиях» Марти изобразил его как явление фигурной внутренней формы. Ниже, при рассмотрении понятия внутренней формы конструктивной мы увидим, что это явление скорее подходит под вторую категорию внутренней формы, устанавливаемую Марти. Явление фигурной внутренней формы Марти усматривает и в области так называемых категорических высказываний, являющихся выражением так называемых двойных суждений (*Doppelurteile*). В этих предложениях слова, обозначающие субъект или предикат, очень часто являются не как значение, а как внутренняя форма — первая — представление субстанций, вторая — представление действий или суждения. Подробно Марти останавли-

⁶⁵ Хватать руками, стремиться к цели (*др.-греч.*).

⁶⁶ Zur Sprachphilosophie. Die «logische», «lokalisches», und andere Kasus-Theorien. Halle, 1910. S. 113—116, 119—122. — Прим. автора.

⁶⁷ Untersuchungen...

⁶⁸ Идет дождь (*нем.*).

⁶⁹ Не хватает денег (*нем.*).

⁷⁰ «Мне вспомнился старый сон» (*нем.*) — строка из стихотворения К.Ф. Мейера «Das begrabene Herz» (1892). Все примеры Кенигсберга взяты из *Untersuchungen...* S. 138.

ваеся на этом в работе о бессубъектных предложениях.⁷¹ Двойное суждение содержит две составных части: простое опознание (*Anerkennung*) и построенное на нем утверждение или отрицание знания (*Zu- oder Aberkennen*).⁷² Соответственно с этим и в категорическом высказывании даны два элемента: нечто, о чем высказывается и предикат, то есть то, что высказывается. Смысл самой синтаксической связи (*Syntaxe*) субъекта и предиката и их копулы, по мнению Марти, всегда один и тот же. Способ бытия (*Das «Sein»*), обозначаемый в этой синтагме, испытывает в зависимости от имен не модификацию, а только некоторое течение, так же как это имеет место и в суждениях экзистенциальных. В каждом категорическом высказывании копула обозначает утверждение или отрицание (S. 250).⁷³ Разница может быть только в том, что познается и в качестве чего (S. 251).⁷⁴ Какими бы ни были понятия, образующие материю такого суждения, копула всегда обозначает одну и ту же связь: предикативную (S. 252).⁷⁵ Во всех случаях речь идет не о различных способах предикации, а лишь о различных субъектах и предикатах. Тем не менее это — столь очевидное, по мнению Марти, — свойство категорических высказываний и соответственных суждений многими вовсе или частично не было понято, что проистекало из смешения предчувствий, сопровождающих грамматические категории субъекта и предиката только в качестве внутренней формы, с их значением. Только как внутренняя форма, как метафора языкового сознания может быть живой идея вещи или присущего (*inhärierende*) признака (?),⁷⁶ где образуется или понимается категорическое высказывание. Представление категориального отношения находится в смешении с почувствованным обыденным сознанием как родственным и так часто данным в опыте отношением целого и части в области пространственных или (?)⁷⁷ *continua* (S. 253).⁷⁸ Желтоклювость обычно несомненна как «свойство» (*Eigenschaft*) дрозда, точно так же как шестисторонность — куба или мышление — как акцидент души. Как «внутренняя форма» нашим категорическим предложениям присуще представление вещи или представление принадлежащего ей признака или еще специальное присущего (*inhärierendes*) ему действия или страдания, в то время как они совсем не обязательно принадлежат категорическому суждению. Субъект, то есть то, что лежит в основе двойного суждения, уже известен и делается базисом дальнейшего утверждения или отрицания; содержание предиката, напротив, есть еще неизвестное определение. Если же ни субъект, ни предикат неизвестны, субъектом становится то, в существовании чего слушатель более целесообразно убедится сперва. Все это приводит к тому, что наиболее типичным образцом категорического суждения становится суждение об отрешении вещи и свойств ее. Таким образом, вещь или субстанция становится наиболее часто

⁷¹ Über subjektlose Sätze // Gesammelte Schriften II, 1. S. 3—307.

⁷² Ibid. S. 225.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ В тексте.

⁷⁷ В тексте.

⁷⁸ Über subjektlose Sätze. S. 253: «Genauer würde man sagen: die Vorstellung des kategorialen Verhältnisses (der sog. Substanz zu ihren absoluten Akzidentien und Relationen) in unklarer Vermengung mit dem vom gemeinen Bewußtsein als verwandt empfundenen und so häufig in der Erfahrung gegebenen Verhältnis von Ganzem und Teil auf dem Gebiete der räumlichen oder körperlichen Continua».

субъектом, акцидент — предикатом, другими словами, категорическое высказывание чаще, чем о других, говорит об отношении присущести (*Inhärenz*) свойства вещи. Вследствие этого представление субстанции становится типом субъекта, и имя субъектива становится чем-то вроде нашего «субстантива», формой, которая обозначаемое подчиняет языковому образу субстанции даже и там, где речь не идет о вещи. Аналогично создается и тип предиката: как акцидент, подверженный временным изменениям и специальное — соотношению действия и страдания. Модификация действия и страдания в применении к известным предметам частично зависела даже от целей поэтических: одушевление неодушевленного. Такое колеблющееся применение предикатов по двум группам действия и страдания — то как подлинного значения, то как поэтического образа — подчинило себе те грамматические формы, которые переносятся как все остальные случаи предикации, где ни на самом деле, ни в силу поэтического образа не может иметь место действие или страдание. Так создавались индоевропейские *verbum finitum* (особенно, конечно, глаголы вспомогательные). Понятие вещи и присущего ей действия или страдания подлинно во многих случаях принадлежит к представлениям, которые должны вызывать слова субъекта или предиката. Но образованные по этому типу грамматические категории переносятся и на такие предикации, где ни об опознании вещи, об утверждении или отрицании действия или страдания не может идти речи. Они становятся здесь просто внутренними формами. В заключение Марти обращает внимание на соотношение индоевропейских способов выражения категорических суждений с различными неиндоевропейскими, указывая на постоянные отступления в последних от схемы выражения предикации через *verbum finitum*.⁷⁹

В заключение главы, посвященной фигурной внутренней форме, Марти останавливается на природе и происхождении этого явления. Ряд соображений Марти был уже указан в самом начале. Представления, образующие фигурную внутреннюю форму, не являются собственно имеемым в виду (*gemeinte*), а только должны к нему приводить. Основной целью этого явления, как тоже отмечалось мною выше, является цель экономии языковых средств, позволяющая без планомерного расчета обходиться с ограниченным количеством средств для обозначения громадного круга подлежащих выражению содержаний. Особенно отчетливо экономическое направление использования фигурной внутренней формы выступает в случаях, называемых Марти модификацией значения в элементарном смысле. Таковы вышеприведенные желанное А и невозможное В. Таков же «представленный тон», который как такой никоим образом не является собственно тоном, или нарисованный ландшафт, который не есть на самом деле ландшафт. Легко увидеть, к какому неисчерпаемому/непреодолимому обилию имен могло бы повести, если бы язык захотел для каждого нового «модифицированного» значения образовывать особые, всегда новые знаки вместо того, чтобы достигать цели эквивокациями и (?).⁸⁰ В этих способах изменения значения мы имеем перед собою прием внутренней формы, общий многим различным языкам. Но помимо этого есть огромное число случаев, где фигурная внутренняя форма образуется в различных языках самым различным образом. Таковы образы из метафизических явлений, заимствованные для обозначения психических явлений. Немецкое «*das Blei ist schwerer*

⁷⁹ Über subjektlose Sätze // Gesammelte Schriften II, 1. S. 247—260. — Прим. автора.

⁸⁰ В тексте.

als das Eisen»,⁸¹ новогреческое βαρύτερον ἀπὸ τὸν σίδηρον (тот же образ и в польском языке). Мозоль по-немецки *Hühnerauge*, в голландском — *Elsteroog*, в языке манджу — *Fischaug*.⁸² «Может быть» — немецкое *vielleicht* (= очень легко), в греческом — τὰχα (заимствовано от ταχύς) или ἴσως (с равными шансами для обеих сторон), испанское *a caso* и английское *perhaps*. Яванец и парс вместо «я» говорит «слуга», яванец вместо «ты» — «ваши ноги» или «ваш дворец» и многое другое. Это различие представлений, служащее внутренней формой, может встречаться и в предложениях одного и того же языка: с одной стороны, для одного значения разные фигурные внутренние формы — направление синонимии, с другой стороны, одни и те же внутренние формы для разных значений — направление эквивокаций. Часто говорили о «внутренней форме» какого-нибудь языка как о каком-нибудь единстве или каком-нибудь простом явлении. По мнению Марти, такой способ выражаться легко ведет к фикциям и гипостазированию. Фигурную внутреннюю форму имеет не язык как целое, а отдельные средства и методы обозначений в нем. Истинно в такой речи о *некоторой* внутренней форме в каком-нибудь известном языке — то, что явления внутренней формы в различных средствах выражения одного и того же языка или языкового семейства имеют между собою много черт сходства, где, таким образом, нельзя говорить о чем-либо ином как об однородном стиле. Вопрос об эмпирическом происхождении того единства ясен, и по характеру внутренней формы часто можно решать об образе жизни говорившего народа. Замечание о фиктивности и гипостазировании направлено, как мне кажется, главным образом по адресу В. фон Гумбольдта. Тем не менее и сам Марти говорит о всеобщем направлении фантазии и привычек представления (*Vorstellungsgewohnheiten*), которые присущи одному создающему язык народу в отличие от другого. Я приведу характерную фразу: «*Ein Volk, das den Pfeil "Kind des Bogens" nennt, wird analoge Wendungen auch in analogen Fällen bevorzugen*».⁸³ Преобладающая тенденция малайского языка к номинальным конструкциям в соответствии нашим вербальным последовательно проводится через все обороты. Всякие такие особенности, соединенные с соответствующим единообразием особенностей в том, что Марти называл конструктивной внутренней формой, придает языку особую печать. Это и принадлежит к тому, что называется духом или гением языка. В этой связи Марти и напоминает Септуагинту⁸⁴ — исключительный пример передачи греческими словами духа европейских языков. В заключение Марти еще раз напоминает о необходимом условии для признания этимона (термин, которым он в «Разысканиях» не пользуется) фигурной внутренней формы: он должен быть живым в наивном сознании говорящего и понимающего. В противном случае это только генетическая принадлежность. Только истории языка понятно, что «Istanbul» происходит из сочетания εἰς τὴν πόλιν, где представление «города» было внутренней формой для обозначения понятия города κατ'ἔξοχην. Таковы общие очертания учения о фигурной внутренней форме.

II. Марти почувствовал себя вынужденным расширить в «Разысканиях» то содержание понятия внутренней формы, которое было дано им в предшествующих

⁸¹ Свинец тяжелее, чем железо (*нем.*).

⁸² Здесь Кенигсберг повторяет примеры Марти. См.: Untersuchungen... S. 141.

⁸³ «Народ, который "стрелу" называет "дитем лука", будет предпочитать аналогичные обороты в аналогичных случаях». Ibid.

⁸⁴ В маш.: «Септуагинту, на».

работах. Необходимость расширения была вызвана усмотрением особой категории моментов в конструкции языковых обозначений, не воспринимаемых чувственно (или, по крайней мере, воспринимаемых не только чувственно) и связанных с той или иной формой временной последовательности отдельных элементов языкового обозначения. Всякая речь состоит из множества слов, получающих возможность передавать смысл только с помощью синтаксического сочетания их. Значение образуется неким целым, состоящим из большего или меньшего числа слов, части которого должны быть даны в сознании не сами по себе, а в совокупности, причем эти слова даны не симультанно, а в некотором ряду. Хотя отдельные слова и не в состоянии сказать все то, что имеется в виду всем словесным рядом (*Wortfolge*), они пробуждают все же отдельные представления и ожидания того, что имеется в виду целым. Эти предшествующие представления представляют и образуют посредствующую ступень к пониманию, удачно или менее удачно в каждом отдельном случае, в соответствии с так называемым строем и стилем речи, будь то стиль некоторого языка вообще или способ, каким говорящий на этом языке умеет пользоваться его средствами. Ни один язык не выражает *explicite* того, что мы хотели сообщить: каждый похож на стенограмму или эскиз. Несоответствие между подлежащим выражению и тем, что *explicite* дано в выражении, в разных языках и способах говорения (*Sprechweise*) соответственно различное: особенности телеграфного стиля и стиля писем — поэтического и дидактического. «*Während der eine sich auf Stich- oder Schlagworte beschränkt, gebraucht der andere umständlichere Redeweisen, die möglichst wenig der erratenden Konstruktion des Hörers überlassen*». ⁸⁵ Не только различие в постепенности (*graduelle Unterschiede*) метода выражения может придавать различный оттенок различным языкам и способам говорения, но также и особое направление в выборе того, что выражается *explicite* и что предоставляется дополнению. Так полагается различие между фрагментарным и дискурсивным строем языка. Сюда же относятся и те различия в строении языков, которые определяются как синтетическая и аналитическая конструкция, хотя они, по мнению Марти, связываются и с различиями во внешней форме. Латинский *amavi* и французский *j'ai aimé* различаются не мыслью, которая является их значением, и потому ошибочно думать вместе с Вундтом, что в *amavi* недостаточно ясно или вовсе не различено от действия и что «аналитическая» конструкция французов сделала по этому шаг вперед. В области выражений представлений различие в конструктивной внутренней форме связано с различием в том, находятся ли перед нами простые или составные имена. Различие конструктивной внутренней формы языков заключается не только в том, что из подлежащего выражению содержания дается *explicite* и что предоставляется дополнению по связи, но и в том, как языковое выражение следует за этим содержанием, соответствуя ли его природному членению (или фиктивному членению и разрезом, в него вносимым) или указывая на него стенографическими сокращениями. Различные способы *décomposer la pensée*, ⁸⁶ применяемые различными языками, суть также различия конструктивной внутренней формы: различный порядок предложенного множества речевых частей, будь то

⁸⁵ «В то время как один говорит ключевыми словами, другой использует более сложный способ говорения, который как можно меньше оставляет на долю разгадывающего конструирования слушателя» (Untersuchungen... S. 145—146).

⁸⁶ Расчленять мышление (*франц.*). Выражение Э. Кондильяка из его книги «О письменности» (1755).

порядок слов в словосочетаниях (*Wortfügungen*) и предложениях или частей слов в *composita*. Это есть существенное условие для понимания — быстрого и легкого или задержанного и трудно поддающегося. Порядок слов, при котором на последнем месте помещается главное слово во фразе, предопределяет соответствующий характер актов понимания, при котором трудно избежать, чтобы накапливающееся ожидание не было обмануто. Обратное — когда основное в мысли дается раньше в выражении и последующее дает только необходимые дополнения. Здесь мы говорим о легком понимании и строе мысли. И в этих случаях мы говорим или о стиле языка или языковой семье, или об индивидуальном стиле пользования средствами этого языка. Приведа выше выражение Кондильяка о *manière de décomposer la pensée*, Марти приводит затем другую цитату из его «*Art d'écrire*»: «*nous ne concevons jamais mieux une pensée, que lorsque les idées s'en présentent dans la plus grande liaison*»,⁸⁷ — и добавляет к этому, что тайна хорошего стиля и заключается в умении владеть порядком слов в предложении.

Все эти случаи того или иного распределения семантических элементов предложения в известный ряд, так что иные элементы образуют предваряющие представления и создают те или иные ожидания функции отдельных составных частей предложения, Марти относит к области внутренней формы. Они не образуют еще понимания в собственном смысле и есть только предшествующая ступень, преддверие к нему; относятся к методам выражения, но воспринимаются все же не прямо внешне, чувственно. Они, конечно, связаны с внешним восприятием того, какое место занимает то или иное слово, одночленно или многочленно то или иное имя и т.д. Но этим внешним вовсе не исчерпывается полнота этого явления. Кроме черт внешних и обусловленных лишь генетически, все эти случаи имеют черты, непосредственно обращенные к внутреннему опыту. Явления конструктивной внутренней формы, как и фигурной, наличествуют лишь тогда, когда они живы в сознании понимающего. Но в отличие от положения с фигурными внутренними формами мы могли бы поставить вопрос: может ли быть языковое выражение без конструктивной внутренней формы?

Точка зрения Марти на понятие внутренней формы становится еще отчетливее при введении ее в контекст традиции этого термина. Материал для этого дает полемика, которою Марти заканчивает свой обзор явления. Пунктов расхождения у Марти с его предшественниками находится несколько. Он сам группирует их следующим образом: I. Область внутренней формы видит только в тех явлениях языка, которые являются простыми именами, просматривая внутреннюю форму в тех языковых средствах, которые не суть имена; II. В том, что придается неправильное толкование понятиям а) форма, в) внутреннее. Что касается понятия формы, то здесь Марти обращает внимание на рассуждение Штейнталя,⁸⁸ эквивоцирующего с термином форма, в котором он говорит о формальных языках (*Formsprache*) в противоположность «бесформенным» (*formlose*). У этих последних, не имеющих подлинно грамматических форм, по мысли Штейнталя, отсутствует форма и внутри, и снаружи (*innen und aussen*). С этим понятием внутренней формы

⁸⁷ «О письменности»: «мы никогда лучше не постигнем мысль, чем когда идеи представляются нам в их наибольшей связи» (*Untersuchungen...* S. 149).

⁸⁸ *H. Steinthal. Der Ursprung der Sprache im Zusammenhange mit den letzten Fragen alles Wissens: eine Darstellung, Kritik und Fortentwicklung der vorzüglichsten Ansichten.* 3. Aufl. Berlin, 1877.

связывается у Штейнталя, таким образом, представление о чем-то доступном внутреннему опыту, что зависит от особого строя тех языков, которым предоставляют «грамматические формы». Но что же такое эти «внутренние формы»? Это или значение грамматической формы, или то, что сам Марти называет конструктивной внутренней формой (специализованно связанной с формами грамматическими). Не требует особого изложения то возражение, которое делает Марти против каждой из этих возможностей: оно понятно само собой из вышеизложенного. Смещения встречаются и в применении термина «внутреннее». Даже и при точном пользовании этим термином в средствах обозначения различается многообразное внутреннее, причем и такое, которое при более строгом классифицировании не должно бы сюда относиться. За «внутреннее» принимается то, что просто не может быть непосредственно воспринято, а должно быть выведено путем известного заключения, хотя бы оно и было по существу подлежащим «внешнему опыту» (так обстоит дело со многими генетическими признаками). К «внутреннему» причисляется и то, что не воспринимается конкретно (в смысле чувственном), а может быть воспринято лишь путем абстракции и сравнения. Таковы общие черты соответствия и различия во внешней форме. Наконец, если внутреннее и внешнее различаются с достаточной точностью, все же смешение может встречаться и в том, что то, что является только спутником знания, отождествляется с самим этим знанием, ибо и оно может быть воспринято только внутренним опытом. Марти не ставит себе задачей проследить всю историю применения термина внутренней формы с той поры, как В. фон Гумбольдт ввел его в лингвистическую литературу. Не останавливаясь на дополнительных значениях Марти по адресу Дельбрюка, а также [на] некоторых соображениях по поводу применения понятия внутренней формы, до некоторой степени соответствующей понятию конструктивной внутренней формы у Марти, у Гейзе⁸⁹ и Штейнталя, обратимся прямо к разбору учения В. фон Гумбольдта. Учение Гумбольдта и непосредственно примыкающего к нему Штейнталя, который, по мнению Марти, в основе своих лингвистических взглядов имел не только гербартовскую механику представлений, но и многое позаимствованное им через Гумбольдта в спекулятивной философии, под термин «внутренней формы» подводит явления фигурной внутренней формы, но не только их, а в значительной степени в неясном смешении их с явлениями значения. Следы этого основного гумбольдтовского смешения, которое было популяризировано Штейнталем, Марти находит в литературе до новейшего времени, указывая как на новейший пример книгу психолога В. Штерна⁹⁰ (S. 639 Fn).⁹¹ Не все относящиеся к нашему вопросу суждения Гумбольдта объясняются из смешения фигурной внутренней формы и значения. Мысли Гумбольдта об идеальной внутренней форме языка, от которой действительные языки дают большие или меньшие отклонения в соответствии с различными степенями и ступенями создающей язык силы у данного народа, представляют, по мнению Марти, не столько смешения в дескриптивном разрезе (под идеальной формой разумеются, очевидно, категории значения, адекватно отпечатлевшиеся в идеальном языке), но являются также отражением фиктивных и мистических воззрений Гумбольдта на генезис языка. Можно думать, [(так) думал, например, Векслер]],⁹² что Гумбольдт под внутренней языковой

⁸⁹ Karl Wilhelm Ludwig Heyse.

⁹⁰ Речь идет о книге: *W. Stern. Die Kindersprache. Leipzig, 1907.*

⁹¹ Untersuchungen...

⁹² В маш.: «Можно думать, не думал». *E. Wechsler. Gibt es Lautgesetze? Halle, 1900.*

формой разумел не что иное, как всю совокупность значений, ассоциированных с акустически-моторными словами и словесными формами, противопоставляя то и другое третьему — содержанию (*Inhalt*) — явлениями сознания говорящего. Марти сам неоднократно указывает, что слова и предложения языка суть знаки, во всяком случае, в двойном смысле: 1) в смысле обнаружения психических состояний говорящего и 2) в смысле знаков, значением коих является предмет этих состояний. Но Марти не соглашается с векслеровским толкованием Гумбольдта. Он замечает, что, по его мнению, Гумбольдт не просмотрел тех явлений, которые он (Марти) изображает под именем конструктивной и фигурной внутренней формы, причем Марти настаивает на необходимости, несмотря на однородность их в смысле «внутренности», отличать их терминологически от явлений *значения*, для которых этот термин вполне приемлем и широко распространен.⁹³ Не согласен Марти с Векслером потому, что он полагает, что Гумбольдт не пользовался бы этим термином, если бы он имел в виду только *Bedeutetes*, а не применял бы его и к *Darstellungsmittel*.⁹⁴ Гумбольдт верно заметил особую сторону в средстве выражения, отличную от внешней фонетической, но недостаточно ясно и твердо разграничил ее [с] явлениями значения — «*ihm beide Begriffe zu einem schwankenden und konfusen Mittelding ineinanderflößen*».⁹⁵ Такое смешение находит Марти в том, что Гумбольдт называет внутренней формой языка (точнее, сумму внутренних форм какого-нибудь языка), «мировоззрением» и «интеллектуальной стороной языковой деятельности». То же получается, когда Штейнталь обозначает внутреннюю форму как подлинное содержание (*Inhalt*) языка, как то, что дает звуку его цену (*Wert*), значимость (*Geltung*) и значение (*Bedeutung*), когда внутреннюю форму выдают за «подлинное средство апперцепции» и ее различия идентифицируют с различиями в апперцепции и абстрагирующем понимании предметов, или если в связи с учением о внутренней форме каждое обозначение считают «аббревиатурой, так сказать, обломком полного понятия обозначаемого целого».⁹⁶ Почти все эти указания относятся столь же к явлениям фигурной внутренней формы, сколь и к значению или сумме значений, выраженных языком. Сделав общее замечание о том, что вводящие эти определения ограничивались исключительно областью простых имен, минуя предложения, просьбы, приказания, синсемантические средства выражения и т.п., Марти переходит к рассмотрению главнейших из этих определений.

а) «Мировоззрение» в подлинном смысле образует *значения*, которые народ соединяет со своими языковыми средствами (специально со своими именами и высказываниями), и только они. Нечто совсем отличное от этого есть способ, каким этот народ присущие ему мысли и чувства излагает относительно малым количеством языковых средств и привлекаемых на помощь фигурных внутренних форм. Эти методы прямо указывают на особое направление деятельности фантазии, а также косвенно дают возможность заключить о границах понимания и изучения природы и внутреннего мира у народа. «Но это обнаруживающееся направление деятельности фантазии и особые способы, как одним говорящим иначе, чем другим,

⁹³ Untersuchungen... S. 156.

⁹⁴ Наделенное значением; средства изображения (*нем.*).

⁹⁵ «Оба понятия слились ему в какой-то средний предмет, неопределенный и путанный» (Untersuchungen... S. 157).

⁹⁶ Ibid. S. 157: «Abbreviatur, sozusagen für einen Bruch von dem Vollbegriff des bezeichneten Ganzen».

использованы законы ассоциации идей, чтобы обозначить бережливыми и объясняющими самих себя средствами, очень большое, по сравнению с числом слов, число подлежащих выражению содержаний, можно называть особым мировоззрением только в совсем переносном смысле этого слова».⁹⁷ По всей вероятности, именно об этом переносном смысле слова «мировоззрение» и говорил Гумбольдт, имея, по-видимому, в виду, как мировоззрение в переносном смысле слова отражается на характере фигурной внутренней формы. Таким образом, с точки зрения Марти, может быть, следовало бы упреки направлять на генетизм этого определения внутренней формы, хотя и это было трудно сделать после того, как он сам признал, что в фигурных (а в известном отношении и конструктивных) внутренних формах выражается (и не только генетически), отражается особая деятельность фантазии, особое ее направление, которое в конце концов и входит в понятие мировоззрение уже не в переносном смысле. Все это замечание его против определения суммы внутренних форм языка как мировоззрения можно принимать, таким образом, лишь как резервацию от допущенных последователями Гумбольдта смещений, но никак не их возражение против существа самого характера внутренней формы как структурного члена выражения.

б) Различие в некоторых внешних языковых формах, например, при выражении отдельного понятия есть нечто совсем другое, чем различное направление, принимаемое «апперцепцией» при схватывании (*Auffassung*) того же самого предмета с помощью различных понятий, когда «апперцепция» конципирует его то на одно, то на другое и соответственно этому разное называет. Например, одно полагается, если мы красный шарик схватываем⁹⁸ и называем красное (в интересах живописца / в интересах математика или скульптора) или известный предмет — то как живое существо, то как млекопитающее огромного размера с хоботом и клыками, так что основание для названия образует то относительно простое понятие, то более Kompliziertes. И совсем другое — если мы при назывании предмета для этого Kompliziertes понятия избираем имя, которое вместе с тем как внутреннюю форму содержит представление то дважды пьющего, то двузубого, то запасающего одну рукой, то тяжело ступающего и т.п. Все эти представления, чередуясь, служат в санскрите, как замечает Гумбольдт, для обозначения слона. Но совершенно ложным является понимание и описание положения вещей, когда Гумбольдт говорит, что здесь имеется в виду тот же предмет, но обозначенный многими различными понятиями. Такой был бы случай, когда мы слона то вообще как живое существо, то как млекопитающее, то как слона специально обозначали. Здесь же имеется в виду то же самое понятие, только для обозначения его избраны различные представления, как нить ассоциации между понятием и именем. Там идет речь о различной классификации того же самого предмета через субсуммирование его под различными понятиями, здесь — о различных методах обозначения для того же самого понятия. Как о различных апперцепциях, так говорят и о различных формах мышления (*Denkformen*). Но под различными формами мышления

⁹⁷ Ibid. S. 158: «Und jene Richtung der Phantasietätigkeit, die sich kundgibt, in sich selbst und die eigenartige Weise, wie von den einen Sprechenden anders als von den anderen die Gesetze der Ideenassoziation benutzt worden sind, um die — gegenüber den Worten — viel größere Zahl von auszudrückenden Inhalten mit sparsamen und sich selbst erklärenden Mitteln zu bezeichnen, kann man nur ganz uneigentlich eine besondere "Weltanschauung" nennen».

⁹⁸ В маш.: «то схватываем».

в понимании того же самого предмета можно разуть только различие в том, понимаем ли мы его как определенный качественно, пространственно, временно и т.п. Различные *Denkformen*⁹⁹ — не что иное, как различные понятия, различные предикаты: истинные или ложные, присущие предмету или фиктивно принесенные. То же самое понятие, хотя бы и обозначенное с помощью различных внутренних форм, не может мыслиться в различных *Denkformen*. Различие может быть только в опосредствующей выражение фигурной внутренней форме.

Как Гумбольдт, так и его толкователи (вплоть до Вундта) говорят: внутренняя языковая форма есть одностороннее обозначение многостороннего предмета (у Вундта учение о доминирующем признаке и доминирующем представлении). Здесь наличествует то же самое смешение. На самом деле внутренней формой служит вовсе не важный признак подлежащего обозначению понятия, и даже вовсе не его признак, то есть частичное понятие (*Teilbegriff*), и было бы близорукостью думать, что индус, называя слона то двузубым, то дважды пьющим, каждый раз имеет в виду разные стороны этого понятия. В этом случае он имел бы уже не понятие слона, а некое другое, как имеют в виду разное, говоря о желтом или о золоте. Марти указывает на омонимический характер термина апперцепция (*S. 161 Fn*)¹⁰⁰ и на возможность применений его и к понятийному схватыванию предмета, и к *aperçu* и фигурной внутренней формы, с помощью которой опосредствуется обозначение данного понятия. Об апперцепции в применении к фигурной внутренней форме можно говорить лишь в том переносном смысле, в каком можно говорить о ней применительно к созданию загадок и фантастических и шуточных сравнений (Марти напоминает, что и Аристотель сравнивал метафоры (то есть фигурную внутреннюю форму) с загадками). Присущие этим последним апперцепции имеют эстетическое назначение, в то время как фигурные внутренние формы очень часто имеют целью опосредствование *понимания*. Учет соотношений представлений, образующих¹⁰¹ внутреннюю форму, с понятиями составляет область стилиста. Возможные здесь противоречия заслуживают упрека логика. Но и стилист может указывать в интересах поэтического возбуждения на существующие противоречия, которые могут закрыть поэтическое восприятие. Большинство метафор могут вызывать абсурды, если представление, образующее внутреннюю форму, будет отнесено к области значения. Возможность для фигурной внутренней формы, как и для внешней формы, функционировать¹⁰² в качестве суррогата значения или собственно понятия не меняет ничего в вышесказанном. Они являются собственно другим понятием, конвертибельным¹⁰³ с первым, его суррогатом; так, например, понятие «число, имеющее знаком единицу с тремя нулями», отлично от собственно понятия «тысяча», и таким образом отсюда не может вытекать необходимость отождествления фигурной внутренней формы как средства выражения понятия с понятием как таким.

с) В связи с учением о фигурной внутренней форме говорят, что каждое обозначение есть аббревиатура, так сказать, обломок от полного понятия обозначенного целого. Что подразумевается под этим целым: значение имени или название? Имена

⁹⁹ Формы мысли (нем.).

¹⁰⁰ Untersuchungen...

¹⁰¹ В маш.: «образующими».

¹⁰² См. выше Прим. 40.

¹⁰³ От нем. *konvertibel* — конвертируемый.

имеют различное значение в том смысле, что целое предмета при этом схватывается с разных сторон и с разной полнотой. Обозначение всегда аббревиатура, потому что принадлежащее ему значение или понятие всегда неполное (*unvollständiger*) или аббревиативное и выражает или не всё, или не всё *explicite*, что может быть усмотрено и схвачено в предмете. Строгое «полное понятие» (*Vollbegriff*) предмета, называемого именем, например, козел, так сказать, понятие, которое содержало бы в себе *explicite* все признаки данного предмета, есть вещь в известном смысле неисчерпаемая. Иное получается, если мы для обозначения наиболее полного понятия (козел) то заимствуем имя¹⁰⁴ от его крика, то называем его по его бороде. Здесь и предмет, и понятие о нем, то есть значение имени, то же самое. Наличествующую здесь фигурную внутреннюю форму можно также в известном смысле называть аббревиатурой; в этом смысле нельзя говорить о неполноте понятия на том основании, что для обозначения выбирается только известный из его признаков. Эта последняя аббревиатура не свидетельствует о какой-либо неполноте, а есть просто прием нашего образования языка, и так как эти приемы меняются, то аббревиатура этого порядка не имеет никакого универсального значения даже в применении к именам, даже к именам вещей, «субстанций». Смешение заключается в том, что признакам, образующим фигурную внутреннюю форму, приписывают функцию, изображают их как часть понятия и тем самым смешивают со значением.

Свое обозрение пошедших от Гумбольдта толкований понятия внутренней формы Марти заканчивает общим упреком, что в них недостаточно отчетливо определены принципы этого понятия, благодаря чему в нем постоянно смешиваются две существенно различные области: область внутренней формы и область значения.

Дальнейшую полемику Марти по вопросу о применении термина внутренней формы рассмотрим вкратце. Существует определение внутренней формы как приспособления мысли к предложенному (*vorhandenes*) языковому материалу. Простейший и прозрачный случай такого приспособления имеет место, когда нам нужно пользоваться иностранным языком и особенно языком малокультурным, не имеющим нужных нам средств обозначения. В этом случае нам приходится сокращать или видоизменять, приспособляя наши мысли, то есть, таким образом, речь идет о новых мыслях, а не о средствах языкового выражения, и получается обычно встречающееся смешение. Но как было уже указано, язык не является адекватным выражением мысли, в том смысле, что он выражает *explicite* все, что мы имеем в виду при известной речи. Так обстоит с коррелятивными мыслями. Нельзя думать «*er schlägt mich*»¹⁰⁵, не думая вместе с тем «*ich werde von ihm geschlagen*».¹⁰⁶ Вместе с тем в языке бывает выражена только одна из таких коррелятивных мыслей. И в зависимости от разных обстоятельств выражается то одна, то другая сторона корреляции. Существуют языки, предпочитающие или даже исключительно применяющие только одну сторону. При переводе на такой язык необходимо для сохранения его стиля пользоваться этой его конструкцией, сохраняя *implicite* то, что было в подлиннике эксплицировано. Так, в малайском языке применяется исключительно пассивная конструкция. Вместо «*ich will deinen Bruder schlagen*»¹⁰⁷ нужно сказать

¹⁰⁴ В маш.: «заимствуем имя то».

¹⁰⁵ Он бьет меня (нем.).

¹⁰⁶ Я им бит (нем.).

¹⁰⁷ Я хочу бить твоего брата (нем.).

«*Dein Bruder wird von mir geschlagen werden*».¹⁰⁸ Здесь к особенностям конструктивной внутренней формы присоединяется еще особая смелая фигурная внутренняя форма. Таким образом, речь идет о характере конструктивной внутренней формы, поскольку не происходит смешения со значением. То же самое имеет место и в отношении к различным способам подчинения, осуществляемым иногда без союзов. Только о различии во внешней и сопровождающей ее конструктивной внутренней форме можно говорить, когда для перевода сложных (составных) имен одного языка в другом языке находятся только простые и обратно; то же имеет место при различии аналитической и синтетической конструкций. И в том и в другом случае нет надобности видоизменять мысли. Соотношение номинальной и вербальной конструкций разных языков. Можно было бы думать, что употребление простого имени для какого-нибудь сложного понятия может повести к символическому скрещенному замещению значения — как пример, при слове «квадрат» иметь в виду не значение равносторонний прямоугольный четырехугольник, а просто называемое квадратом. Но это не является обязательным, а поскольку нет, здесь можно тоже говорить о различных внешних и сопровождающих и конструктивных внутренних формах. В некоторых случаях приспособление мыслей, выраженных на одном языке, к другому языку может повести к необходимости выбора других фигурных внутренних форм: например, голландский *Elsteroo* = немецкий *Leichdorn*¹⁰⁹ (в данном случае при одиноких конструктивных формах: оба слова составные). Но и в этом случае, как во всех остальных, нельзя говорить о приспособлении мысли, так как она остается неизменной.

Минуя полемику Марти с Вундтом по вопросу о внутренней форме, не представляющей особого интереса ввиду крайней недистинктности¹¹⁰ вундтовского учения, обратимся к некоторым замечаниям Марти по адресу некоторых отдельных ученых, мимоходом затрагивавших вопрос о внутренней форме и описывавших относящиеся сюда явления, часто даже не пользуясь этим термином. Марти отмечает, что уже Гердер заметил явление фигурной внутренней языковой формы, говоря об ассоциативной силе избираемых человеком обозначений, достигаемой помощью имитативной деятельности, причем звукоподражание служит обозначением животного, издающего этот звук. Гердер только подошел к явлению внутренней формы и указал на него, но он был слишком увлечен звуковыми элементами речи и слишком их переоценил, не говоря уже о том, что у него это явление выделено собственным и потому постоянно смешивается со значением и генезисом.

Особо Марти рассматривает те смешения в области внутренней формы и значения, которые обязаны своим происхождением распространенному среди психологов и эстетиков учению о «вчувствовании» (*Einfühlung*). При всех явлениях эстетического вчувствования имеет место основной закон, по которому при равных условиях представления психического признаются более ценными (*wertvollen*), чем представление просто физического, и потому, поскольку для рода искусства оказывается это доступным, он стремится к изображению неисчерпаемой (*unerschöpflich*) области психической жизни. Но художник, особенно поэт, двумя существенно различными способами может стараться пробудить с помощью чув-

¹⁰⁸ Твой брат будет бит мной (нем.).

¹⁰⁹ Мозоль (на ноге) (голл., нем.).

¹¹⁰ От нем. *Indistinktivität* — неразличенность.

ственных средств изображения представления психической жизни, и в обоих случаях в двух различных смыслах будет «вчувствование» со стороны наблюдающего и наслаждающегося.

I. В первом случае представления психической жизни есть то, внушение чего — последняя и непосредственная цель средств изображения. Так обстоит дело, когда лирик, эпик или драматург изображает душевную жизнь свою или своих героев. Созерцающий искусство представляет себе эту психическую жизнь по аналогии со своей. «Акт вчувствования» (*Einfühlen*) здесь есть продуктивный и репродуктивный акт представлений себе (*Sichvorstellen*) чуждой душевной жизни — по аналогии с единственной, нам непосредственно доступной своей. Это вчувствование определяется не практическими интересами, как это имеет место в обыденной жизни, причем чужие думы и чувства считаются за подлинные, а только эстетическим наслаждением, которое доставляется общением с подобными образами представления. Но здесь этот мотив эстетического наслаждения приводит следующего за ним и другим путем к тому, чтобы пробуждать представление психической жизни. Психическая жизнь образует здесь собственно предмет поэтического изображения, избранный художником.

II. В других же случаях представления психической жизни играют роль только средств изображения. Они составляют только элемент фигурной внутренней формы, которой пользуется поэтический язык. Метафоры, которыми поэтически украшается и просветляется изображаемое, постоянно заимствуются из жизни людей и животных: сердящийся гром, смеющаяся голубизна неба и тому подобное. Мы вчувствуемся здесь в безжизненную и, по крайней мере, в бессознательную природу, одушевляя ее, потому что эти образы психической жизни, присоединенные к представлениям физического, возвышают его. Эти метафоры имеют целью возвысить представление, как и вообще многие метафоры, отнюдь не проистекающие из идентичности, или для идентификации объединяемых представлений. Здесь вчувствование состоит не в проникновении чужой психической жизни и представлении ее по аналогии со своей собственной, но в присоединении к безжизненному и бессознательному представлений о психической жизни, черты которой образуют украшающий придаток, а не конструктивные линии в собственном содержании поэмы. Коротко говоря: здесь идет речь просто о представлениях, служащих внутренней языковой формой, которые, многообразно меняясь от образа к образу без внутренней связи, сопровождают значения языковых средств поэта и охватывают их украшая. В первом случае, напротив, речь идет о самых значениях, которые должны изображать богатое и гармоническое целое, сообразуясь с требованиями эстетики. В этом смысле возможно психологическое рассмотрение Дон Кихота или Отелло, но бессмысленно говорить о психической жизни печальной ивы и благородной сосны. То же самое должно быть различаемо и в отношении животных, когда, с одной стороны, в зверином эпосе им приписываются человеческие черты, а с другой — в ипподромном языке говорят о фаворите, что «он не исполнил своих обязанностей». Таким образом, в учении о вчувствовании так же очень легко может быть допущено смешение фигурной внутренней формы со значением, как это иллюстрирует в дальнейшем Марти на примерах из Липпса и Джеймса, на которых останавливаться не будем. Остановившись вкратце на воззрениях Макса Мюллера, на которых он останавливается в статье «Über das Verhältnis von Grammatik und

Logik»,¹¹¹ что внутренняя форма есть субъективное воззрение на вещи и в этом смысле помещается между звуком и логическим понятием, Марти замечает только, что в учении Мюллера очень нелепое значение приобретает термин логическое и, кроме того, наблюдается смешение дескриптивной и генетической точек зрения. Более положительными оказываются наблюдения над явлениями внутренней формы, принадлежащие Ф. Потту, О. Эрдману и Н. Мадвигу, но их Марти касается совсем мимоходом, и на них останавливаться не будем.

Таким в общей сложности предстает учение Марти о внутренней форме. Остановимся на его главных чертах. Психологизм учения Марти не лишает его очень многих безусловных его достоинств, тем более что этот психологизм во многих случаях есть не более как традиционная терминология. Учение о сознании, лежащем в основе всей философии языка Марти, парализует психологическую опасность, создаваемую многими терминами, которыми он пользуется. В частности, термин «представление», играющий в книге Марти [важную роль] и занимающий существенное место в оправданиях понятия внутренних форм, психологистичен лишь по происхождению. «Представление» у Марти не есть психическое представление, а есть всегда тот или иной структурный момент в слове: представление, то есть значение, понятие, логическая форма «сопутствующее представление» — иной структурный момент, фигурная внутренняя форма, иной раз облегчающая и опосредствующая понимание значения, иной раз украшающая значение и, может быть, даже затрудняющая понимание. Эта последняя форма — «сопутствующее представление» — вырисовывается на фоне отношений звукового комплекса отдельного слова и значения его в контексте живого сознания данного языка, поскольку оно связывает данный комплекс с другим значением, не только с тем, которое непосредственно имеется в виду. Это другое значение и выступает как сопутствующее значение, со-значение, и, таким образом, психологизм, заключенный в термине «представление», не представляется особо опасным. Вместе с тем последовательно проводимое выключение генетических вопросов из области дескриптивной семасиологии, положенной Марти в основу общей грамматики, создает из учения его надежную опору в борьбе со всяческими нативистическими и рефлекторными объяснениями сущности языка из его истории, соответственным образом препарированной. Учение Марти имеет в виду лингвистику, ее непосредственный предмет — язык как социальное и историческое явление. Это накладывает последовательно глубокий отпечаток на всю систему его учения о слове. Основным и отправным понятием для Марти является не понятие «слово», «выражение», а специальное понятие «*Sprachmittel*»,¹¹² противопоставляемое им как форма подлежащему выражению содержанию, образующему значения языковых средств. Вместе с тем и для него совершенно ясно («Разыскания». S. 156), что формы значения суть формы внутренние, но, с его точки зрения, при анализе конструкции *Sprachmittel* они должны быть необходимо отличаемы терминологически от того, что он называет внутренними языковыми формами. По отношению к собственно языковым формам, как их определяет Марти, нельзя не заметить, как я отмечал уже выше, некоторой неясности в постановке вопроса о внешних формах. Внешняя форма, с одной стороны, у Марти как будто отождествляется с фо-

¹¹¹ A. Marty. Gesammelte Schriften II. S. 80.

¹¹² Языковое средство (нем.).

ническим материалом языка, но здесь он подчеркивает, что чисто звуковые комплексы не суть еще языковая форма, поскольку последними могут быть только семантические звукосочетания (как авто-, так и синсемантические). Таким образом, внешняя форма есть все же звуковой комплекс, формальный, *resp.* языковый характер которого определяется или, точнее, опознается из усмотрения внутренних форм. С другой же стороны, Марти готов зачислить в область внешней формы и грамматические категории, поскольку они имеют одинаковую фоническую презентацию. Но последнее является явно случайным признаком, ибо грамматическая категория может быть осуществлена с помощью разных звуковых признаков и существенной для нее является ее внутренняя характеристика. Внешняя форма, таким образом, есть нечто совершенно иррелевантное для структуры языка как такой, являясь только необходимой первой материальной ступенью при описании эмпирических языков. Недаром же Марти замечает, что при овладении языком самым недоступным бывает область его внутренних форм. Отсюда, впрочем, могут быть сделаны и другие выводы. Непосредственно отсюда следует, что предметом лингвистики является область различных внутренних форм — по Марти, конструктивных и фигурных. Затруднение заключается в том (как, впрочем, было отмечено выше), что для установления внутренней формы необходимо наличие их в живом языковом сознании. Если это условие вполне приемлемо в области внутренних форм фигурных (или по крайней мере вполне отчетливо в плоскости отличия от чисто генетических этимонов), то в плоскости форм конструктивных вызывает на некоторые сомнения. Конструктивные внутренние формы суть в конечном счете формы синтаксические в самом общем смысле. Сюда относятся и характеристика языка — как синтетического или аналитического, дискурсивного или фрагментарного; оборотов — как номинальных или вербальных, активных или пассивных; синтагм или, точнее, синтаксис[а —] как паратактических или гипотактических, порядок слов и т.д. и т.п. Казалось бы, что здесь подразумевается совершенно всеобщая и необходимая характеристика конструкции средств языкового изображения (*Darstellung*), иначе, впрочем, и не могло бы быть, поскольку разуметь под конструктивной внутренней формой — форму семантическую. Есть у Марти замечания, вскрывающие некоторую неполноту его мыслей о конструктивной внутренней форме, представляющих вообще его громадное открытие, так как до него на эти явления указано, в сущности, по-видимому, не было, поскольку конструктивная внутренняя форма у него выступает непременно как известным образом преломляющая, трансформирующая в отношении пути понимания формы значения языковых средств. В понимание конструктивной внутренней формы вносится стилистический — поэтический или, во всяком случае, риторический — момент. Об этом же может свидетельствовать и апелляция к живому сознанию говорящего. Но тогда и получается явная неполнота учения Марти о конструктивной внутренней форме, противоречащая с теми всеобщими для слова определениями и указаниями, которые даются им как характеристика этого явления. Вместе с тем, поскольку языковое средство есть всегда некоторая конструкция, оно тем самым всегда обладает конструктивными формами, и эти формы не исчерпываются чувственной наличностью. Они есть прежде всего идеальные возможности языкового средства, его предметные формы, материально так или иначе осуществляемые. Их соотношения с логическими дают тот или иной рисунок, создавая стилистические фигуры, затрудняя или плавно проводя пони-

мание, но тогда нужно говорить уже об особых риторических и поэтических формах синтаксиса, которые могут сознаваться и могут не сознаваться — как не сознается малайцем и сознается нами как непривычная гротескность постоянно проводимая пассивная конструкция его языка. Но тем не менее как конструктивная внутренняя форма она всегда присутствует — как предметно определяющий момент той особой категории предметов, которые определяются нами как языковые знаки. Именно потому, что они знаки и специально знаки, обладающие значением, они всегда в известном соотношении с формами самого значения, сознается или не сознается в смысле обычности и тому подобного нами это соотношение. Некоторая недоговоренность учения о конструктивной внутренней форме, к которому Марти подошел лишь в «Разысканиях», заставила его, думается мне, не видеть особых конструктивных внутренних форм там, где он находит фигурные, как, например, в области бессубъектных предложений. Здесь, несомненно, наличествует, иначе и не может быть, осуществление известной внутренней синтаксической формы, требующей языково выраженного субъекта, и вопрос еще: необходимо ли персонифицировать в этом случае «es»,¹¹³ хотя бы и в смысле фигурной внутренней формы только, а не как делали предшественники Марти в смысле формы логической? У Марти — впрочем, в другой связи — находятся замечания о связи некоторых особых фигурных внутренних форм рука об руку с особыми конструктивными, но здесь опять выступает вопрос об «особости». Вопрос об имперсоналиях требует, конечно, особого анализа, и здесь для него не может быть места. То же могло бы быть применено и к вопросу о падежах, также рассмотренных Марти исключительно под углом фигурной внутренней формы. Учение Марти имеет непосредственно в виду лингвистику и для нее чревато обильными последствиями. Идея всеобщей грамматики вырастает из идеи дескриптивной семасиологии, глубоко и необычайно строго и последовательно развитой Марти в основной части его книги. В воздухе повисает вопрос об автономных моментах в языковом средстве — грамматических собственно и лексических, — описанных им в главах, посвященных внутренней форме. Они не определяются, не вытекают и часто просто противоречат моментам собственно семантическим, и здесь, быть может, всего отчетливее должна выступить та неполнота учения Марти о внутренней форме, которая, думается мне, и была обусловлена тем, что Марти положил в основу своих мыслей о внутренней форме не всеобщее понятие слова и анализ его структуры, а почти служебное, ограниченное понятие языкового средства. Это ограничение, между прочим, и заставляет в применении и в выводах из его учения для поэтики требовать необходимого расширения, хотя уже много дано и им, требуя, впрочем, интерпретации, как мы видели выше и о чем будет еще речь ниже.

Учение Марти нуждается в расширении и развитии, и оно не осталось без такого развития. В «Эстетических фрагментах» Г. Шпета изложены основы его самостоятельного учения о внутренней форме, радикально отличающегося, по его словам, от учения Марти в целом.¹¹⁴ Это радикальное отличие и заключается

¹¹³ Нем. «es»: местоимение среднего рода ед. ч.

¹¹⁴ Г. Шпет. Эстетические фрагменты. Вып. II. С. 70: «В целом предполагаемое здесь учение о внутренней форме радикально отличается от учения Марти». Ср.: М. Вендитти. Внутренняя форма слова у Г.Г. Шпета и А. Марти. С. 263—272.

прежде всего в том, что здесь в основу учения положено понятие слова, которое может быть развернуто как угодно широко. Эта универсализация основного отправного пункта не только дала возможность признать логические формы внутренними формами слова, не отрывая их как подлежащее выражению в языковом средстве содержание от самого этого языкового средства; но вместе с тем признать их фундирующий характер для слова, признать их основным структурным моментом в глубинном разрезе слова. И то и другое, в сущности, уже предполагалось и в учении Марти: недаром же грамматика выростала из семасиологии, — но осуществлено не было вследствие узости замысла. Учение о синтаксических внутренних формах, вырастающих из отношения конструктивного значения синтагмы как формы выражения к чувственным формам, то есть к разного вида морфемам и, таким образом, к формам логическим, чувственным представителем которых и являются морфемы, есть также в конце концов развитие и углубление учения Марти о конструктивной внутренней форме. Радикальное различие здесь, как и в учении о логических формах, покоится на универсализации основного понятия и перенесении анализа в плоскость принципиальную из плоскости дескрипции эмпирических явлений языка. Существенно обогащенным и особенно важным *in usum poeticae* является предложенное в «Эстетических фрагментах» учение о внутренних дифференциальных поэтических формах.¹¹⁵ Эти внутренние формы создаются из отношения внутренних синтаксических форм как автоонтологических форм слова к формам логическим. «Они слагаются как бы в *игре синтагм и логических форм между собою*» (ЭФ, с. 65).¹¹⁶ «Они суть отношения к логической форме дифференциала, устанавливаемого поэтом через приращение онтического значения синтагм к логической форме».¹¹⁷ Вот здесь уже намечается глубокое и решительное отличие от учения Марти, хотя иные из его мыслей в известной мере и¹¹⁸ предугадывают такую постановку вопроса. Там, где Марти говорил о соотношениях конструктивных внутренних форм с формами значения и о стилистическом их назначении, предполагалась уже проблема дифференциала, но Марти ее не разглядел. С другой стороны, учение о фигурной внутренней форме в его трактовке прошло в целом мимо этой проблемы, хотя и оно в значительной мере относится сюда же, по крайней мере там, где Марти предполагал говорить об эстетическом,

¹¹⁵ Г. Шпет. Эстетические фрагменты. Вып. II. С. 64—65: «Несомненно, логические формы мы встретим те же, но новое отношение, в которое теперь станут синтагмы, не как простые тождества морфемы, а как чистые (автоонтологические) формы *самого имени*, к чистым онтологическим формам называемых вещей и обозначаемых смыслов, должно соответственно модифицироваться, т.е. должны соответственно модифицироваться *сами логические формы*. Разница между первоначальной внутренней логической формой и этой модифицированной формой может оставаться незамеченною, может казаться несущественною, пока прямо и открыто об ней не поставлен вопрос. Ибо, имея *обычно* дело именно с модифицированной формой и не подозревая ее модифицированности, мы не задаемся вопросом об этой модификации. Определение этой разницы, дифференциала двух логических форм и установление отношения его к первоначальной простой форме укажет меру нового конструктивного обогащения речи. Этот дифференциал и его отношения есть сфера новых форм, точно так же внутренних, как и логические формы. Назовем их, в отличие от чисто логических, *внутренними дифференциальными формами языка*».

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ В маш.: «и в известной мере».

а не чисто вспомогательном значении фигурной внутренней формы. В самом деле, если оставаться в области имен, имя одного значения, переносимое для названия другого значения, должно рассматриваться чисто онтологически, чтобы скрепить связь со старым своим значением, и только на фоне этого автоонтологического характера этого имени, как дифференциал в соотношении с формой логической, может выступить при должном повороте сознания его фигурной внутренней формы как форма поэтическая. Иначе она просто этимон, генетическая характеристика. Пусть в этом новом обозначении есть разница по сравнению со старым, но она остается незамеченной во внутреннем своем характере, если не выступит, когда будет прямо поставлен вопрос, как образ, «набрасывающий на вещь гирлянды слов-названий, сорванных с других вещей» (ЭФ III, 39). То, что Марти называет фигурной внутренней формой, имеет, таким образом, только потенциальный характер (стр. 68—69).¹¹⁹ Актуализация достигается путем предикатирования¹²⁰ слову его потенциально-этимологического значения, то есть постановкою вопроса о его автоонтологическом характере в отношении к логическому. Настойчивое «*zwischen*»,¹²¹ повторяемое Марти о месте фигурной внутренней формы, до некоторой степени предполагает его истинную природу отношения, но дифференциальный ее характер остался для нее закрытым, как закрытой оказалась и возможность синтаксической актуализации ее в символ. В конце концов этимон остается постоянной синтаксической, то есть автоонтологической характеристикой слова, а осознание его есть начало актуализации, которая и свидетельствует о том, что он жив для сознания или становится живым. Положительное учение о внутренней форме слова, раскрывающееся перед нами до некоторой степени и в развитие идей Марти, но, конечно, не одного его, дает открытый вывод в поэтику, позволяя при этом использовать и наблюдения, и мысли австрийского философа. Поэма есть также слово, и в этом слове, как во всяком другом, наличествуют внутренние формы. Фундаментом и основанием их всех являются формы логические, на которых вырастают автоонтологические формы слова-поэмы, и из дифференциала этих последних с логическими создаются формы поэтические или, осторожнее сказать, риторические или стилистические. Логическая форма может быть окутана и затемнена автоонтологической конструкцией слова. Образ отсутствует тогда, если не чувствуется, не усматривается и в конце концов [не] понимается фундирующая его логическая форма.

Und so lang du das nicht hast,
Dieses: Stirb und werde...¹²²

¹¹⁹ Г. Шнем. Эстетические фрагменты. Вып. II. «Характер отношения внутренней формы к мысли осязательнее всего сказывается в “словах” и “фразах” (в смысле английских грамматик и логик), неоправленных синтаксически, т. е. в *потенциальном состоянии* внутренней формы. “Воздушный океан”, “потрясение” имеют потенциальную внутреннюю форму, как и потенциальный смысл. Всякое слово лексикона — в таком положении. Внимание к “отдельному слову” или “образу”, сосредоточение на них (в особенности со стороны поэта, лингвиста, логика) обнаруживает тенденцию актуализировать потенциальную силу слова. Это может привести к некоторому потенциальному предикатированию и предложению».

¹²⁰ От нем. *Prädikation* — предикация.

¹²¹ Между (нем.).

¹²² J.W. Goethe. *Selige Sehnsucht* (1814).

Переводчик дает более прозрачную синтагму, и логические формы проясняются в своей поддерживающей функции:

И пока ты не поймешь
Смерть как жизнь и силу...
(Пер. Д. Усова)

Подлинник звучит прекраснее, чем раньше, но и перевод сохраняет положительный дифференциал в контрадикторном сравнении: смерть — как жизнь.

Или:

The kindest use a knife, because
The dead so soon grow cold.¹²³

Переводчик выворачивает структуру наизнанку, логические формы даны в синтагмах без задержек:

Кто добр кинжалом, потому что
Страдает лишь живой.¹²⁴

Подлинник по-прежнему прекрасен, перевод — газетная проза. Дифференциал равен нулю. Но конструктивные, синтагматические формы поэмы не ограничиваются, так сказать, лингвистическим синтаксисом. Как конструктивные внутренние формы выступают, прежде всего, так называемые традиционные формы поэмы: рондо, сонет, героическая эпопея в двенадцати (двадцати четырех) песнях, система трех характеров, авантюрный роман и многое другое, что являет собою твердые автоонтологические схемы — аналогон синтаксических конструкций, модифицирующие и заковывающие фундирующие их логические формы — «содержание». В конце концов, все формы так называемой композиции являются такими автоонтологическими формами поэмы, как слова. При традиционных схемах они ясны как необходимая броня или как опутывающая условность. В свободной композиции мы открываем их как удачную репрезентацию логических форм или как досадное неумение поэта, не ограничившего себя традиционной синтагмой, справиться со своей темой, дать ее в слове, не препятствующем пониманию логических внутренних форм его своими онтическими формами.

Фигурные внутренние формы, если придерживаться терминологии Марти, всегда *in potentia*. Они лежат в онтических возможностях слова. Образ создается предцированием имени его этимологических, то есть онтологических в смысле словесной онтологии свойств. Так создаются метафора, олицетворение и т.п. В основе образа лежит всегда сопоставление — оправданное: сходство, метонимия, — неоправданное, схождение, метафора. Но актуализация фигурной внутренней формы, покоящаяся на предметных формах слова и заключающаяся в осознании некоего «*zwischen*», между синтагмой и логическую формой не обязательно есть форма в собственном смысле поэтическая. Она действительно может быть про-

¹²³ О. Уайльд. «Баллада Редингской тюрьмы» (1898).

¹²⁴ Перевод В. Брюсова.

стым украшением речи, и в этом смысле ее осторожнее всего назвать формой риторической. Не только отдельные тропы, но целые цепи олицетворений могут иметь только риторическое назначение. В чем же их специфическая поэтичность, когда наступает она? Композиционные, синтагмические формы слова-поэмы также присущи поэзии, но собственно ли они образуют поэтическую внутреннюю форму? Совершенно общо ответ может быть сформулирован так, что поэтическими внутренними формами являются все внутренние формы, наличествующие в исторических поэмах. Но этот ответ требует, конечно, детализации. Диалектика истории дает развитие поэтического сознания, и мы не можем ограничиться простой исторической интерпретацией данных нам фактов поэзии. Дидактическая поэзия или животный эпос помещаются где-то в других ступенях, чем сонеты Петрарки или трагедии Шекспира. Стихотворная риторика Ломоносова есть другой этап поэзии, чем богатая риторикой же поэзия Тютчева. Надлежит поставить вопрос: какие же формы являются собственно внутренними поэтическими формами, высшим достижением поэзии? Ответ подготовлен: те, которые вырастают как дифференциал отношения композиционных, словесно-онтических форм поэмы к фундирующим ее логическим формам. Но и он требует развития. Это развитие подготовлено цитированными уже «Эстетическими фрагментами». Я бы мог сформулировать его так: поэтические внутренние формы появляются там, где появляется «третий род истины», где дифференциал отношения между синтагмой поэмы и ее фундаментом складывается в целую цепь *quasi*-предикативных форм, развертывающих основное сходжение, положенное в основу поэтической фигурной внутренней формы, с последовательностью, аналогичной последовательности логических отношений, — *quasi*-логическое развитие. Внутренние поэтические формы слова образуют самый существенный момент поэмы, ее специфический, присущий только ей, неповторимый смысл, фундированный на ее логическом смысле. Здесь этимон не только оживает в метафору, но метафора осуществляет свои возможные предикаты; здесь «чаша бытия» — не библейская риторика, разрешающаяся в целую аллегорическую цепь, а здесь это подлинный сосуд, омоченный нашими слезами, который оказывается пустым, когда падает повязка с глаз, хотя мы и пили из него, пока были закрыты наши глаза;¹²⁵ здесь

¹²⁵ Кенигсберг пересказывает здесь стихотворение М.Ю. Лермонтова «Чаша жизни» (1831):

1

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадет,
И все, что оболыщало нас,
С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,

«вой ночного ветра»¹²⁶ становится не только обоснованным интеллектуалистически обозначением и не просто риторической метафорой, основанной на схождении космоса и воющего *animalis*, но здесь¹²⁷ этот вой становится понятным языком, твердящим о непонятной муке подлинно страшную песнею «про древний хаос, про родимый».

Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!

¹²⁶ Из стихотворения Ф. Тютчева «О чем ты воешь, ветер ночной?» (1830—1836).

¹²⁷ В маш.: «где».

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	5
К ИСТОРИИ ГАХН (<i>Вступление Ю.Н. Якименко</i>).....	11
Сидоров А.А. Три года Российской академии художественных наук 1921—1924.....	18

ОБЩЕЕ ИСКУССТВОВЗНАНИЕ

Эстетика и искусствознание (<i>Вступление Н.С. Плотникова</i>).....	101
Ахманов А.С. Эстетика и философия искусства.....	106
Жинкин Н.И. Проблема эстетических модификаций.....	109
Лосев А.Ф. Искусство. Статья для «Словаря художественной терминологии» ГАХН.....	115
Лосев А.Ф. Система эстетических модификаций.....	122
Недович Д.С. Диалог об искусстве и науке.....	124
Недович Д.С. Методы и задачи искусствознания.....	127
Райнов Т.И. Проблема целого в научном познании и искусстве.....	133
Саккетти А.Л. Миф, искусство и наука.....	135
Саккетти А.Л. Содержание и форма в художественном произведении.....	138
Сидоров А.А. Основы органической истории искусств.....	140
Сидоров А.А. Эстетика и искусствоведение.....	142
Соловьева А.К. Личность и принципы ее литературного изображения.....	144
Соловьева А.К. О взаимоотношении проблем эстетики и философии искусства на основании построений Гегеля.....	146
Успенский Н.Е. Роль позитивных наук при изучении общих путей художественного творчества.....	161
Франк С.Л. Роль искусства в позитивных науках.....	167
Шпет Г.Г. Искусство как вид знания.....	196
Теория языка как парадигма теории искусства (<i>Вступление М. Вендитти</i>).....	207
Винокур Г.О. О возможности всеобщей грамматики — resp. поэтики.....	211
Волков Н.Н. Проблема множественности значений и так называемого «ядра» значения.....	215
Волков Н.Н. Что такое метафора?.....	219
Кенигсберг М.М. Понятие внутренней формы у Антона Марти и возможности дальнейшей интерпретации.....	228
Петровский М.А. Выражение и изображение.....	262
Соловьева А.К. Анализ статьи Stenzel'я «Смысл, значение, понятие, определение».....	264

<i>Соловьева А.К.</i> В каком смысле экспрессия является предметом лингвистики.....	267
<i>Соловьева А.К.</i> О взаимоотношении экспрессии разговорного и литературно-художественного языка.....	293
<i>Соловьева А.К.</i> Систематический анализ понятия грамматики.....	297
<i>Соловьева А.К.</i> Экспрессия и Kundgabe.....	302
<i>Шор Р.О.</i> Новая система теоретической лингвистики. По поводу 2-го выпуска «Эстетических фрагментов» Г. Шпета.....	305
<i>Шор Р.О.</i> О книге Эрдмана «Значение слова».....	335
<i>Шпет Г.Г.</i> О границах научного литературоведения.....	339
Психологическая эстетика (Вступление <i>Н.С. Плотникова</i>).....	347
<i>Скрябин С.С.</i> Проблемы и методы исследования эстетического восприятия.....	353
<i>Скрябин С.С.</i> Психологический метод в эстетике.....	359
<i>Челпанов Г.И.</i> Роль подсознательного в процессе творчества / <i>Карпов П.И.</i> Психотехника творческого процесса.....	363
<i>Челпанов Г.И.</i> Проблемы психологии художественного творчества.....	368
<i>Экземплярский В.М.</i> Дифференциально-психологический подход к проблемам эстетики.....	373
Категории эстетической рефлексии: форма, образ, стиль, время, произведение (Вступление <i>Н.К. Гаврюшина</i>).....	379
<i>Ахманов А.С.</i> Время в искусстве / <i>Райнов Т.И.</i> Художественное время.....	382
<i>Габричевский А.Г.</i> Структура художественной формы.....	387
<i>Грузинцев Г.А.</i> Проблема логической формы.....	389
<i>Губер А.А.</i> Проблема образа и его структура.....	391
<i>Лосев А.Ф.</i> Историко-типологическая классификация учений о художественной форме.....	397
<i>Недович Д.С.</i> Классический стиль.....	400
<i>Райнов Т.И.</i> Роль времени в драме.....	402
<i>Райнов Т.И.</i> Стиль и мирозерцание.....	405
<i>Саккетти А.Л.</i> Основы музыкальной формы.....	408
<i>Саккетти А.Л.</i> Учение Г. Когена о форме музыки.....	412
<i>Скрябин С.С.</i> О понятии стиля.....	447
<i>Туркин В.К.</i> Время в кино / <i>Ахманов А.С.</i> [О времени в кино].....	449
<i>Шапошников Б.В.</i> Музей как художественное произведение.....	458

ТЕОРИИ ОТДЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Литература и художественная форма (Вступление <i>А.Н. Дмитриева</i>).....	475
<i>Айхенвальд Б.Ю.</i> Строение словесного образа.....	482
<i>Горнунг Б.В.</i> К вопросу о предмете и задачах поэтики.....	487
<i>Губер А.А.</i> Поэтическая суппозиция.....	513
<i>Губер А.А.</i> Предмет поэзии.....	517

Губер А.А. Учение Гегеле о сущности поэзии (по его книге «Das Wesen der Dichtung»).....	519
Жирмунский В.М. Вопросы русской акцентологии в связи с теорией стиха	524
Пространственные искусства (Вступление Н.П. Подземской).....	527
Габричевский А.Г. О пространственных формах в искусстве	532
Жинкин Н.И. Портретные формы.....	536
Жолтовский И.В. Опыт исследования античного мышления в архитектуре	541
Саккетти А.Л. Природа портрета	543
Сидоров А.А. О проблеме портрета. Из Отчета ГАХН.....	546
Сидоров А.А. Проблематика художественного образа. По материалам пространственных искусств.....	550
Тарабукин Н.М. Портрет как проблема стиля	556
Цирес А.Г. Границы портретного изображения личности.....	561
Кино (Вступление В. Познер)	567
Айхенвальд Б.Ю. Пути кинематографа	574
Жинкин Н.И. Кино — искусство событий.....	577
Скрябин С.С. Искусство ли кино?	581
Театр (Вступление В.В. Гудковой)	585
Сахновский В.Г. Компоненты спектакля	588
Сахновский В.Г. Предмет спектакля	589
Сахновский В.Г. Театр как предмет театроведения	592
Сахновский В.Г. Театральное скитальчество	596
Шор О.А. Закрепление спектакля. К проблематике современного творчества	597
Якобсон П.М. Взаимоотношения театра и литературы	600
Якобсон П.М. Виды театрального знания (театральная критика и наука).....	601
Якобсон П.М. Театр как предмет театроведения	604
Якобсон П.М. Что такое театр	607
Якобсон П.М. Элементы спектакля и их эстетическое значение	613
Музыка (Вступление О.А. Бобрик).....	615
Беляева-Экземплярская С.Н. О музыкальной герменевтике	618
Лосев А.Ф. О принципах музыкальной эстетики	621
Лосев, А.Ф. Феноменологический метод в музыкальной эстетике. (По поводу сборника «De musica»).....	623
ИСТОРИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ (Вступление А.Л. Доброхотова).....	625

Античность

Лосев А.Ф. Древнегреческие музыкально-эстетические теории	631
---	-----

<i>Лосев А.Ф.</i> Учение Аристотеля о трагическом мифе.....	635
---	-----

Новое время

<i>Виноградов Н.Д.</i> Учение Ф. Гетчесона о прекрасном.....	639
<i>Виноградов Н.Д.</i> Учение Шефтсбери о прекрасном.....	643
<i>Шор О.А.</i> Микеланджело. К проблематике художественного творчества.....	646

Немецкая классика

<i>Ахманов А.С.</i> Учение Шеллинга о художественном продукте	651
<i>Бельский А.В.</i> Теория искусства Шлейермахера	685
<i>Зубов В.П.</i> Жан-Поль Рихтер и его «Эстетика». Материалы к характерологическому анализу	690
<i>Лосев А.Ф.</i> Диалектика в немецкой эстетике XVIII в.	694
<i>Попов П.С.</i> Учение Зольгера об иронии	699
<i>Попов П.С.</i> Учение Шеллинга и Зольгера о трагическом.....	703
<i>Попов П.С.</i> Учение Шеллинга о символе в искусстве	714
<i>Сабуров А.А.</i> Эстетика Шиллера и проблема современной эстетики	718
<i>Саккетти А.Л.</i> Основы эстетики Краузе	721
<i>Соловьёва А.К.</i> Эстетические воззрения Гумбольдта	725
<i>Топорков А.К.</i> Гегель и разрушение эстетики	728

Современность

<i>Лосев А.Ф.</i> Философия символических форм у Э. Кассирера.....	733
<i>Попов П.С.</i> О взглядах Р. Гамана на искусство и культуру современности (по поводу новой его брошюры)	737
<i>Скрябин С.С.</i> Понятие искусства у К. Фидлера	764

Россия

<i>Зубов В.П.</i> Эстетика Д.В. Веневитинова.....	771
<i>Попов П.С.</i> Тютчев и Шеллинг	775
<i>Соловьёва А.К.</i> Воззрения на искусство Николая Соловьёва	776

Сведения об авторах вступительных текстов.....	780
--	-----

Списки сокращений, принятых в настоящем издании	784
---	-----

Литература.....	791
-----------------	-----

Указатель имен.....	831
---------------------	-----